

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «НОВАЯ КНИГА»

АННА ПЛЯКА

ВЗАПЕРТІ

Анна Дмитриевна Пляка

Взаперти

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51783504

Взаперти: роман / Анна Пляка: Росмэн; Москва; 2020

ISBN 978-5-353-09469-2

Аннотация

Десять человек, запертых в заброшенном доме. Десять испытаний, чтобы научиться доверять друг другу. Десять этажей, чтобы преодолеть их и выйти на волю. Они выдержат и огонь, и воду, и трубы. Если им поможет Дождь. Если их не уничтожит Миротворец.

Содержание

Снаружи	5
27 сентября	5
28 сентября	21
29 сентября	42
30 сентября	65
1 октября	86
2 октября	113
3 октября	141
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Анна Пляка
Взаперти
Роман

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН»,
2020 © Анна Пляка, текст, 2020

Снаружи

27 сентября

– И три блока сигарет, пожалуйста.

Сетка с апельсинами рвется, я за ними ныряю под стол. Когда выпрямляюсь, на ленте три пачки сигарет. Черт. Я не хотел привлекать внимание, но гости и так скоро меня разорят.

– Три блока, пожалуйста, не пачки.

Неловко улыбаюсь в ответ на удивленный взгляд. Похоже, придется сменить магазин.

Драндулет стоит на парковке, кто-то успел написать на стекле: «Помой меня». Криво улыбаюсь: когда-нибудь – обязательно, хотя уверен, чистой машина пробудет недолго. Надпись решаю оставить. Пусть лучше запомнится она, тогда ни на что другое не обратят внимание.

На трассе начинается дождь. Съезжаю на обочину, достаю планшет из бардачка, просматриваю новости от дронов. Гостей пока слишком мало, чтобы за четыре часа они успели создать мне проблемы, а раз все так удачно складывается, пора привезти кого-нибудь нового.

У первого – бой, вторая сидит на работе. Еще несколько уже разошлись по домам. Медлю, прежде чем переключить-

ся на последнюю кандидатку. Я не планировал забирать ее сейчас...

Она выходит со скалодрома, разворачивая плащ. Собирается ехать на велосипеде, как всегда. Слишком большое искушение, чтобы устоять.

Некоторые думают, никто не станет искать одиночку. Это не так. Всегда найдется кто-нибудь, кто обратится в полицию, – квартирная хозяйка, коллега, завсегда с маленького бара, куда каждый вечер заходил пропавший. Кое-кто уже через неделю переименовывает «пропавших» в «погибших». Я не из таких. Пока не найдено тело, надейся. Не переставай искать.

– Эй, Пол! Тут дело по твоей части. – Начальница бросает на стол папку.

Шон, мой напарник, прячет ухмылку. Конечно, ведь это расследование повиснет камнем на моей шее, а не на его. Джемма спит и видит, как отправить развалину Пола в архив. Открываю древнюю картонку и присвистываю: вместо фотографии – фоторобот, стандартные волосы номер пятнадцать со стандартными глазами номер пять. Кто ж такой пропал, что снимка нет? Бездомный мальчишка, имя неизвестно. Тревогу забила благотворительная кухня, причем парень уже полгода не появлялся. Интересная картина...

– Шон, посмотри, в каком парке квартируется благотворительная кухня «Мы вместе», а я проверю фоторобот парня. Мог засветиться в мелких кражах.

Пустая надежда. Это должен был сделать дежурный при приеме заявления, но, когда понял, что видимых хвостов нет, отдал Джемме с пометкой «наверняка всяк». Все знают, старику Полу осталось последнее дело, не раскрою – сдавай значок и – в архив. Что ж, безымянный парень, значит, мне так же важно найти тебя, как тебе – остаться в живых. Может, даже важней.

Когда сбиваешь третьего за месяц велосипедиста, это становится похоже на танец. Раз, дождаться в подходящем переулке на маршруте. Два, газануть в правильный момент, чтобы попасть по заднему колесу. Три, резко затормозить. Раз, выскочить из машины. Два, «Девушка, вы не ушиблись?». Три, прижать платок со снотворным к носу и рту.

Раз, два, три, раз, два, три, и вот мы в машине вдвоем. Гостя на заднем сиденье спит под действием куда более надежного средства, чем было на платке, разобранный велосипед – в багажнике. Ну а добраться до дома так, чтобы меня не остановил патруль, – дело техники.

Адреналин спадает, пока я заканчиваю необходимую подготовку, разбираю покупки и отправляю на восьмой этаж пачку сигарет. Завариваю третью кружку кофе, а новенькая на крыше все спит. У нее что, медикаментозный сон перешел в обычный? Завидую.

Пиликает таймер, напоминает: пора греть пиццу для гостей. Коробок в морозилке хватит на целую армию, разве что качество не соответствует высоким стандартам. Лепешка с

ломтиками ветчины выглядит так, словно ее следует выбросить вместе с пленкой, но вместо этого отправляется на решетку духовки. Здоровое питание нужно заслужить.

Возвращаюсь к ноутбуку, переключаюсь на десятый этаж: до сих пор унылое молчание, расплзлись по углам и читают книжки. Щелкаю по иконке микрофона, холодно информирую:

– Если вы не пойдете в бокс сами, то проснетесь в нем ночью. И тест будет намного сложнее.

Рыжий Элвин съезживается, натягивая рукава безразмерного свитера на кончики пальцев, Эджернон бубнит себе под нос – наверняка что-то очень дерзкое, но так, чтобы я не услышал. Элбет смотрит в камеру испуганно, но за дело все равно не берется.

Нужно было придумать автоматические способы принуждения в безопасных зонах, например электрический пол, как в тестах.

Мигает уведомление – дрон докладывает, что на крыше зафиксировано движение. Тороплюсь, чуть не смахиваю со стола кружку с остатками кофе.

– Доброе утро, Элли.

Она уже встала, теперь вертит головой, пытаюсь понять, откуда звучит голос. Перевожу дрона на ручное управление, опускаю ниже. Теперь лицо госты занимает весь экран, видно, как липнут к щекам светлые волосы. Спрашивает растерянно:

– Кто ты? И как слезть с этой крыши?

– Можешь звать меня Миротворцем. А слезть отсюда проще простого, нужно всего лишь прыгнуть вниз.

Она растерянно моргает, на лице появляется сердитая гримаса.

– Не дожدهшься! Я не собираюсь становиться самоубийцей!

Решительно шагает к двери на лестницу, я подпираю щеку кулаком. Стандартный набор действий, подвид «смелый». Похоже, многие гости засматривались фильмами ужасов – не принимают меня всерьез и ищут ляпы... Но я хороший режиссер.

– Твою мать!

Кажется, Элли сломала ноготь, пытаясь открыть железную дверь.

– Пожалуйста, поверь мне.

Стараюсь говорить мягко, как с испуганным зверем. Она мне не опасна, но нужно приручить ее. Их всех.

– Ты меня за дуру держишь?! – Элли отмахивается от дро-на, как от большой надоедливой мухи.

– Нет, конечно. Я бы не посмел недооценить тебя, Элли. Понимаю, тебе трудно поверить...

– В самом деле, с чего бы, – перебивает она, но хотя бы больше не пинает дверь. – Может, потому, что ты псих с дурацким ником, который похитил меня и затащил на какую-то богом забытую крышу?!

– Может, поэтому. Или потому, что ты вообще никому не доверяешь.

– Вранье!

– Не имеет значения. – Пищит таймер, передергиваю плечами. Не время отвлекаться от разговора. – Но единственный способ выбраться – это прыгнуть. Доверься мне, ты не умрешь.

– В самом деле?! – Она закашливается, хватаясь за горло. Еще бы, так кричать. – Я тебе что, персонаж дурацкого мультика? Гравитации, знаешь ли, плевать, верю я тебе или нет!

Похоже, пора переходить к следующему пункту плана. Если Элли не решится прыгнуть за пару часов, я сообщу ей, что заснуть в моем доме – тоже акт доверия. Элджернон, помнится, два дня распевал песни, прежде чем все-таки шагнул вниз.

Элли, однако, всерьез решила меня переиграть: обошла всю крышу, легла на живот у края, изучает стену. Я помню, она занималась промышленным альпинизмом, так что может обойти тест.

– Не советую осторожно слезать, – предупреждаю. – Ты и так не разобьешься, а я не люблю, когда нарушают правила.

– А мне плевать, – смеется Элли, перешнуровывая кроссовки.

– Мне не хотелось бы показывать, что бывает с теми, кто не следует моим советам.

– Тогда называй вещи своими именами – с теми, кто не

выполняет твоих приказов. – Она все-таки соскальзывает с края, повисает на руках, пытаясь нащупать ногами карниз.

Дрон подлетает ближе, я облизываю губы, задерживая пальцы над стиками пульта. Удар электрошока в спину, и Элли, вскрикнув, падает в объятия тонкой, невидимой сверху сетки, натянутой парой метров ниже. Нервно смеется, раскинув руки, шурится в дождь.

– Ладно, один-ноль в твою пользу, псих! Что дальше?

– Ты нарушила правила, – холодно отзываюсь я. – Впрочем, за это ты уже поплатилась.

– Да уж. – Она поводит плечами. – Что, надо еще куда-то прыгать?

– Нет. – Опять надрывается таймер, я наскоро инструктирую: – Доберись до стены, открой окно и присоединись к остальным.

Наконец отключаю духовку. Вряд ли эту пиццу можно испортить, передержав на решетке лишнюю минуту, так что я стряхиваю ее в коробку, кладу на платформу модифицированного дрона. Стандартный путь – через вентиляционную трубу наверх. Все занимает от силы пару минут, но Элли успевает не только одолеть окно, но и со всеми перезнакомиться. Судя по лицу, местное царство уныния нравится ей не больше, чем мне.

– Ну пошли?

Вскидываю бровь – Элджернон куда-то тянет новенькую. На лестницу, к дверям первого бокса. Ничего не объяснив.

А ты знаешь, мальчик, что нарушаешь сейчас основное мое правило? Я учу доверию, а ты пытаешься пройти тест обманом. Впрочем, у него есть время исправиться, а мне интересней наблюдать, как развернется ситуация. Я – Миротворец, я вмешиваюсь лишь при острой необходимости. Бывает эффективней наказать после, чем предотвратить нарушение правил.

– Ты идешь? – бурчит Эджернон.

Элли оглядывается скорее с интересом, чем нерешительно. Самое интересное на площадке – две полупрозрачные двери, одна ведет на верхний этаж, другая перекрывает путь вниз. Элли заглядывает в нишу замка, потирает руку. Хорошая интуиция, догадывается, что дальше будет... Или мне только хочется в это верить. Эджернон стоит рядом и молчит. Определенно, он заслуживает наказания.

Элли берет за рукоять вверху ниши, ставит локоть в выемку. Вздрагивает, когда предплечье фиксируют скобы, морщится. Машина набивает на запястье идентификатор: «Элли Майлз, альпинист».

Я хотел бы написать не это. Впрочем, пока неважно. Дверь в бокс открывается, а Элли, разглядывая татуировку, просит напарника:

– Предупреди, если еще что-нибудь такое будет, ладно?

Усмехаюсь: что, неужели даже сейчас совесть не проснется?

– Предупреждаю, – криво улыбается Эджернон. – Будет.

Хмурюсь. Как он смеет так откровенно нарушать правила? Как смеет предавать доверие? Ее доверие.

Гости входят в бокс. Можно было бы прочитать им инструкцию, но я оставляю это мальчишке. У него еще есть шанс честно рассказать о сути теста и значительно облегчить себе наказание. Он вместо этого уверенно идет к выступающим из стены ручкам, берется за одну.

– Видишь? Надо, чтобы ты взяла меня за руку и коснулась той фигни.

Вспышка ярости заставляет рывком оттолкнуться от стола. Ничего. Я сделаю так, что он никогда больше не захочет никого обмануть. Пока я придумываю неисчислимы кары для предавшего доверие, Элли хмыкает:

– Угу. А потом по нам пройдет ток и разблокирует дверь, которая за нами захлопнулась. И не откроется, пока мы это чудное задание не выполним, верно?

Ты правда разгадала? Сразу, с порога? Знаешь, я столько раз ошибался в людях, что не ошибиться в тебе – очень приятный сюрприз.

Включаю микрофон, чтобы похвалить ее, но не успеваю: Элли с широкой улыбкой показывает мне фак и хватает Элджернона за руку. Вместе вздрагивают от тока, тут же звучит победный марш.

– Эй, а дальше-то что? – Еще дрожащая, она пинает дверь ногой.

Даю мальчишке возможность ответить. Он предпочитает

показывать – вкладывает руку в ячейку, получает черточку кода с именем напарницы и отходит, пропуская Элли. Она смеется, когда видит татуировку:

– Притащил меня в такую мерзкую погоду, и рисунок на каплю похож! – Зачитывает вслух имя: – Элджернон Литтл. Он нас по именам собирал, что ли? Все на «Э».

Мальчишка просит вдруг:

– Не называй меня полным именем, ладно? Лучше Эл, так короче.

– О'кей. – Элли улыбается ему открыто и искренне, будто не он минуту назад обманул ее. Спрашивает участливо: – Ты прямо передо мной сюда попал, да? Не с кем было проходить?

– Да с кем угодно можно было, – сердито отзывается мальчишка. – Просто никто не хотел вписываться и второй раз получать удар током! – Медлит. Добавляет: – Извини. Я боялся, что ты откажешься.

Угрызения совести? Сильно они запоздали. Но Элли не сердится:

– Как будто у меня был выбор! Наружу-то хочется, а вариантов, кроме прохождения этих тестов, я не вижу. Пойдем дальше?

– Завтра, – мотает головой Элджернон. – Миротворец не любит, когда кто-то пытается с наскоку много заданий пройти. Он сделает их сложнее.

Хоть что-то запомнил. Но это ему не поможет. Предавшие

доверие должны расплачиваться. И плата будет выше, чем за нарушение приказа.

Шон, умница, нашел твиттер благотворительной кухни. В мое время у бездомных не было мобильных и интернета, но, видимо, все меняется.

В парк мы приходим в гражданском, так что полный мужчина в фирменной бейсболке принимает нас за волонтеров. Шон лезет за удостоверением.

– Не пугай людей, парень. – Я перехватываю его руку, киваю напрягшемуся мужчине. – Все в порядке. Идемте внутрь, побеседуем.

В фургоне для волонтеров пьет кофе молоденькая девчушка. Подскакивает:

– Новенькие! Я так рада...

– Полиция. Извините, мисс, мы не поможем вам раздавать суп.

Мужчина, поджав губы, косится на девчушку, та нервно поправляет волосы.

– У вас вопросы насчет пропавшего человека, да?

Киваю. Похоже, нам повезло сразу встретить того, кто написал заявление. Девчушка выглядит серой мышкой, а пропавший парень даже на фотороботе тот еще красавчик. Может, посмотрел на нее благодарно, вот и привлек внимание.

– Верно, у нас вопросы о пропавшем. Можете добавить что-нибудь?

Она неловко пожимает плечами, косится на толстяка. Я оборачиваюсь к нему:

– Возвращайтесь к своим делам, мистер. Когда кухня заканчивает работу? Нам нужно расспросить волонтеров.

Тот невнятно обещает помощь. Когда выходит, оборачиваюсь к напарнику:

– Поброди по парку, расспроси бездомных. Корочкой не свети, не поможет.

– Есть, сэр! – Шон картинно отдает честь, сияя улыбкой.

– Итак, мисс...

– Алиса Стрит, – торопливо вставляет девчушка.

– Мисс Стрит, вы заявили о пропаже бездомного, которого в последний раз видели полгода назад. Почему ждали так долго?

Она краснеет, сцепляет пальцы на стаканчике кофе, как школьница.

– Я болела. Потом работала в другом парке, а он приходил только сюда, на холм. Мне неловко было расспрашивать, но, когда мы вернулись сюда, а он не появился, я все-таки стала задавать вопросы. И оказалось, его не видели примерно полгода. Никто толком не помнит, но я в последний раз была здесь весной, в марте, и тогда он еще приходил.

Торопливо строчу в блокноте: нигде, кроме парка, не появлялся – важно. Это не сужает область поиска, но есть, с чего начинать. Уточняю:

– Почему вы его запомнили?

– Ну... – Уши мисс Стрит становятся морковными. – Он был красивый. Мне сказали составить фоторобот...

– Да, я видел, – перебиваю. – Только из-за внешности?

Она низко опускает голову. Не люблю давить на людей, так что подвожу предварительный итог:

– Итак, юноша появлялся в Форест-Хилл и нигде больше. Каждый день?

– Да... Вежливый, трезвый, собранный такой. Молодой, но мне казалось... – На лице девчушки отражается заполняющий голову романтический туман. – Он так много повидал!

– Compliments говорил? Вам или кому-нибудь другому?

Она отрицательно качает головой. Смотрит на меня неожиданно серьезно.

– Вы не думайте, я не совсем дурочка. Я ничего себе не напридумывала. Он правда пропал. И никто не будет его искать. Бездомные никому не нужны.

– Почему же, – не соглашаюсь. – Вам нужны. Вашим коллегам. Нам вот тоже очень нужны, сейчас будем их расспрашивать. Имени его вы не знаете?

Конечно нет. Тут никто не представляется, да что там, большинство вообще живет без паспортов, а зачастую и без памяти. Скольких пропавших я нашел среди этих несчастных людей-невидимок, не перечить.

– Спасибо, мисс Стрит. – Захлопываю блокнот. – Сообщите, пожалуйста, номер своего телефона, чтобы мы могли связаться с вами.

Она поспешно кивает, пишет цифры маркером на салфетке, протягивает мне. Прячу листок в нагрудный

карман, спрашиваю:

– Кто еще мог видеть и знать этого парня?

– Джеб, – тут же сдает она начальство, – и Кэти, которая сейчас на супе. И Гарри, охранник, только его сегодня нет. – Потирает лоб, мордашка серьезная. – Все волонтеры, которые полгода назад были, видели, наверное.

– Спасибо, мисс. Позовите Джеба, пожалуйста.

Она кивает, торопится наружу. В дверях оборачивается, широко улыбается:

– Спасибо! Вы не стесняйтесь, у нас вкусный кофе!

Эх, девочка. Встаю, беру одноразовый стаканчик из пачки. Кофе мне уже пять лет нельзя, а вот чаем побалуюсь. Кидаю в кипяток дешевый пакетик, он как раз успевает завариться, когда в фургончик возвращается Джеб. Заявляет с порога:

– Я ничего не знаю. У нас этих ребят сотни, попробуй каждого запомнить!

Киваю задумчиво, отхлебываю чай.

– Конечно, мистер... Простите, как ваша фамилия?

– Джонсон, – бурчит он и как-то неожиданно сдувается. – Я должен вести учет. Но если этим ребятам предложить расписаться, они предпочтут от голода помереть или ограбить магазин. Так что я правда не знаю. Я ж на раздаче не стою.

– Хорошо, мистер Джонсон, – миролюбиво киваю я. – А кто стоит?

– Сегодня трое, я предупредил уже, чтобы не убегали сразу. И охраннику тоже сказал. Еще час подождете, и

придут.

Благодарю, выхожу наружу со стаканчиком. Фонарей в этой части парка мало, светятся только фургоны кухни. К центральному тянется не слишком длинная очередь. Получив миску, бездомные отходят в темноту. Первым мне попадаетея усатый старик. От остальных его отличает заинтересованный взгляд, и я тут же беру дедушку в оборот.

– Простите, вы не видели этого парня?

Повтори десять тысяч раз, на десять тысяч первый повезет. В этот раз везет уже на восьмой. Женщина в грязном пуховике ахает:

– А он тоже пропал? Бедняжка.

– «Тоже»? – Вытягиваюсь, как охотничья собака в стойке.

Конечно, парень – не первый и не последний пропавший в штате, но в том же месте и из той же группы людей – это уже интересно.

– Да, – кивает моя собеседница. – Джерри пропал месяц назад. Темненький такой, бледный. Снег не покупал, только травку.

Увы, большего она рассказать не может. Отхожу, торопливо чиркаю в блокноте приметы второго пропавшего, теперь буду спрашивать и про него тоже. Успеваю без всякой пользы поприставать еще к десятку человек, прежде чем кухня гасит огни над окном раздачи. Иду к административному фургону, спотыкаясь о брошенные миски, Алиса бегаёт с черным мешком, собирая их. Мельком улыбается мне, говорит:

– Я девочек попросила помочь. Линси вроде видела этого парня!

Увы, быстро выясняется, что Линси, может, и видела, но совершенно не помнит кого и когда. Со вторым пропавшим еще хуже, его вообще никто вспомнить не может.

– Благодарю за сотрудничество, – киваю волонтерам. – На этом все. Мы позвоним, если будут новые вопросы или информация.

Бреду к машине. Шон спешит следом, его раздражает от новостей.

– Ну, – спрашиваю, садясь за руль, – что узнал?

– Про Джерри, – тут же выдает напарник, – который тоже пропал! Он дружил с местным охранником, тем, которого сегодня нет. Я приду завтра допросить?

– Вместе придем. Зацепок мало, нет смысла разделяться. И сначала займемся бумагами. Ты протоколы вел?

Шон покаянно мотает головой. Отругать бы его, да будто я лучше. Тоже буду завтра расшифровывать свои заметки, кто что сказал и как их обозначить.

28 сентября

Успел подремать всего пару часов. Посмотрел, как Элвин, уменьшив дозу едва ли не до чистой гомеопатии, вкалывает ее, сидя на крышке унитаза. Прокомментируй овал, не рассчитывая на ответ. Он всегда молчит, только смотрит круглыми совиными глазами и кусает незаживающие губы. Его заначки должно было хватить на раз, но он растянул на четыре. Еще столько же порошка я сохранил у себя. Вот и пригодится.

Наконец десятый этаж ложится спать. Элли устроилась в углу, свив себе гнездо из подушек. Спит, уронив книгу на грудь. Я помню: ты всегда любила читать. Нужно будет пополнить библиотеку на остальных этажах. Эл развалился посреди ковра, как обычно, демонстративно нагло. Посмотрим, как быстро тебя сломает боль, мальчишка. Но для этого нужно переместить его в бокс. Лучше не своими руками. Элбет спит на диване в обнимку с аптечкой, белый халат, который днем она носит поверх тонкого свитера, служит подушкой. Я могу угрожать чем угодно, она не согласится. И это правильно. Она не должна его предавать.

Элвин полусидит на полу, подтянув к себе худые ноги в мешковатых джинсах. Рыжие волосы падают на лицо, он прижимается плечом к ножке кресла, свесив голову на грудь. Конечно, у него пока нет ломки, но даже ее призрак – для него достаточный стимул. Элвин привык делать что угодно

за дозу. Сделает и теперь.

Я прежде не использовал индивидуальные чипы для связи, хоть и предусмотрел такую возможность, но сейчас придется рискнуть. Подключаюсь, Элвин вздрагивает, просыпается – чип причиняет легкую боль, когда работает в таком режиме. Приказываю:

– Возьми снотворное из аптечки и введи его Элджернону.

Элвин втягивает голову в плечи, ежится, смотрит в камеру не мигая. Быстро облизывает губы, цепляясь за собственные локти.

– Я дам тебе дозу, – обещаю ему.

Смотреть, как он тихо, можно сказать, профессионально выполняет задание, одновременно приятно и жутко. Если бы я велел ему убить, он бы тоже послушался? С крыши ведь прыгнул сразу, без мига сомнений. Поэтому он здесь: чтобы научиться доверять тем, кто заслуживает этого. Преодолевать себя, не предавая людей, с которыми он в одной лодке.

– Теперь отнеси Элджернона в первый бокс. Дверь будет открыта. Положи его на пол и вернись наверх.

Элвин делает, не задавая вопросов. У него блещут глаза, когда он находит оставленный мной подарок. Оглядывается на Эла, прикусив губу, опять смотрит в камеру. Если попробует и лапки не намочить, и рыбку съесть, дам короткий разряд в пол. Эл после такой дозы снотворного не проснется, а Элвин поймет, что не стоит пытаться меня обмануть. Но он, постояв, возвращается в комнату. Опять садится у ножки

кресла, сжимается весь, утыкается лицом в колени. На миг мне становится почти жаль, что я использовал его, а не пошел сам. Но это было бы слишком рискованно.

Не спеша беру планшет, убеждаюсь, что он полностью заряжен. С сомнением смотрю на холодные остатки кофе в чашке – какая это по счету, седьмая или восьмая? Пожав плечами, допиваю, – пара глотков погоды не сделает, а кофе нравится мне в любом виде. Поднимаюсь наверх, прохожу по своей части дома, отпираю дверь на девятый этаж. Бокс занимает совсем малую его часть, остальное я не тронул. Впрочем, сейчас важно лишь то, что здесь есть удобное кресло. Сажусь у стены, несколько минут смотрю в экран, переключаясь с камеры на камеру. Мне нравится стерильная белизна моего дома, матовость стен, холодный блеск стали. Люди смотрятся особенно ярко на таком фоне. Волосы Элвина, каждая веснушка на его бледном лице – словно огненная вспышка, даже чудовищный грязно-коричневый свитер обретает некий своеобразный шарм. Горный загар Элли превращает ее в мулатку, от природы светлые волосы кажутся леденцово-желтыми, футболка без рукавов – синяя, как вода. Эл, темноволосый и неуловимо экзотичный, выглядит очаровательно и одновременно жалко, словно бродяга из неведомых земель.

На белом фоне все ярче – люди, их чувства. Кровь и ожоги тоже. Мне нравится быть рядом в такие моменты. Пусть я не могу видеть гостей иначе, чем через камеры, приятно знать,

что жертва прямо за стеной. Веду пальцем по экрану, плавно увеличивая напряжение тока на полу бокса. Эл вздрагивает, не сразу преодолевая действие снотворного, поднимается с трудом.

– Что... Что происходит?

Испуганно вцепился в ворот футболки и переступает с ноги на ногу, чувствуя пока слабое покалывание босыми пятками. Вот твое настоящее лицо, верно, Эл? Вечная жертва. Твое вызывающее поведение – просто способ сказать миру: «Докажите мне, что я не прав». В каждом твоём движении читается немая мольба взять тебя за шкуру, как котенка, встряхнуть и заставить слушаться.

Он еще не понимает. Усмехаюсь, склоняясь к планшету:

– Твое наказание. Я учу доверию, Элджернон, а ты его предал.

– Я вовсе не...

Резко увеличиваю напряжение. Морщусь, включая подавитель шума – не думал, что мальчишка будет так орать. Я тестировал, даже максимальный разряд можно выдержать. Тело, правда, не подчиняется совершенно, и потом несколько часов болят все мышцы. Отключаю ток, мальчишка падает как подкошенный. Всхлипывает, теперь только мне в наушники. Советую:

– Не спорь со мной.

Он кивает, смотрит в камеру – зрачки расширены так, что глаза кажутся черными. Смиренно ждет приказа или продол-

жения пытки, больше не пытаюсь корчить из себя героя. Я ухмыляюсь, палец висит над слайдером... Сигнал. В дверь бокса колотит Элли. Переключаюсь на динамик над ней:

– Этот урок он должен получить сам.

– Какой, к чертовой матери, урок?! – Она кричит, покрасневшая и сердитая. Надо было глушить бокс заранее. Элбет и Элвин до сих пор делают вид, что спят, а эта прибежала. – Отстань от него, садист!

– Урок о разнице между доверием и ложью. – Возвращаюсь к мальчишке, требую: – Встань на колени лицом к двери. Поклянись, что больше никогда не станешь проходить тесты обманом.

Он поднимается так быстро, как может. Элли замирает, прижавшись к разделяющему их стеклу.

– Клянусь больше никогда тебя... – Снова на миг включаю пол. Эл вскрикивает, падает на четвереньки. Исправляется, всхлипывая: – Никогда ни с кем так не поступать, не проходить тесты обманом. Миротворец учит нас доверять, а не обманывать доверие.

– Молодец, – шепчу в микрофон, чувствуя, как лицо расплывается в улыбке, как страх и покорность Эла делают меня сильнее. – Ты понял и принимаешь свое наказание. Повтори.

В его глазах панический ужас. Что, думал, все закончилось? Но повторяет прилежно, несмотря на прыгающие губы.

– Теперь возмись за рукоять, – инструктирую дальше. – Не бойся. Ты даже не обожжешь ладонь. Но ты запомнишь

свой урок.

Он ползет к стене на коленях, дрожа всем телом. Смотрю с удовлетворением, пока не приходит сигнал с лестницы – Элли швыряет в камеру кроссовку.

– Стой, – приказываю Элу, сам не зная зачем. Я ведь не собираюсь отпускать его без наказания, верно? Переключаюсь на динамик на площадке: – Я предупреждал тебя...

– Отстань от него! – Вопль оглушает, лицо Элли на миг становится другим, яростным и знакомым, эхо прокатывается по моему убежищу.

Открываю дверь. Элли бросается внутрь, подхватывает мальчишку на руки. Он что, потерял сознание? Картина «Дева спасает рыцаря от дракона». Сейчас, когда крик Элли не сотрясает стены, а ее лицо не заполняет экран, я не могу понять, почему поддался. Я же Миротворец. Для них – маньяк и псих, но главное – неотвратимая сила, подобная стихии. Наказание не закончено, я даже не уверен, что Элджернон сдержит обещание!.. И все же я отпустил его.

Слабость. Ее нельзя допускать. Значит, больше этого не повторится. Отстраненно смотрю, как на десятом этаже Элбет проверяет пульс и зрачки Эла, держит его за руку. Признается Элли:

– Это я виновата. Я отказалась пройти с ним тест.

Усмехаюсь – надо же, неужели наконец проснулись родственные чувства? Все связано и все не зря, если бы Эл не попытался обмануть, до нее долго доходило бы... Нет. Нена-

вижу пассажи про правильность и запланированность всего происходящего с нами. Миротворец не запланирован никем.

По утрам я особенно жалею, что старик. И дело не в крохотной пустой квартирке, где не прижился даже кот, а в невозможности сварить чертов кофе. Как обычно, добираюсь до департамента на полчаса раньше положенного. Обмениваюсь доброутрами с дежурным, прохожу между пустыми столами. Машу Эзре, он вымученно отвечает. Если Джемма не вызовет, до обеда разгребу большую часть бумаг. Ко всему можно привыкнуть, даже к тому, что дело, которому два дня от роду, уже норовит погрести тебя под ворохом писанины.

Остаток ночи проходит на удивление спокойно. Элбет, Эл и Элли так и легли в обнимку, завернувшись в один плед. Элвин жметя к своему обожаемому креслу, на восьмом этаже тоже спят. Я следом за ними отключаюсь так надежно, что просыпаюсь только от оповещения дрона о том, что его родимую вентиляцию пытаются взломать.

Восстаю, как зомби из могилы. Слышу сердитое бормотание Элли, фыркаю. Если у нее получится заглянуть в трубу, сама убедится – человек туда не протиснется. Даже тощий Элвин.

Спать хочется до ужаса, засовываю голову под струю ледяной воды. Элли, похоже, с раннего утра ищет, как выбраться в обход моих тестов. На десятом этаже, в царстве уныния и бездействия. Удивительно. И, судя по звукам, не в одиноче-

стве бегают. Вода с волос капает на сенсорный экран планшета, картинка дергается, сворачивается. С рабочего стола смотрит красивая семья, машет рукой беловолосый мальчик. Смахиваю эту идиллию, снова открываю прямую трансляцию. В самом деле, не одна. Эла жизнь ничему не учит. Раздвижная панель хрустит, в дырку с интересом заглядывает даже Элбет, и вздох разочарования у гостей выходит очень слаженный.

Судя по тому, как Эл бережет запястье, окно разбить они уже пытались, и оно, как положено, спружинило.

Энтузиазм гостей угасает, все расплзаются по углам. Можно на минуту отвлечься от планшета и сделать себе завтрак. Кофе, кофе, без него я как без головы. Слышу, как тихо жалуется Эл:

– Не понимаю, как внизу оказался. Заснул тут, а проснулся...

Замолкает посреди фразы. Да, мальчик, ты все правильно понимаешь. А вот Элли верит во всеобщую честность:

– Значит, этот Дождь приходил. Больше некому тебя туда отнести.

Вздрагиваю. Как ты меня назвала? Отмотать запись не успеваю, слишком интересно развивается разговор.

– Думаешь? – Эл кривится. – Эй, Винни! Если бы Миротворец велел тебе отнести кого-то из нас в бокс, ты бы это сделал?

Винни смотрит на Эла снизу вверх, словно брошенный

птенец, – нахохлившийся, сжавшийся в комок, только худая шея болезненно изгибается. Однако отвечает спокойно:

– Сделал бы.

Поджимает губы Элбет, отворачивается ожидавший такого ответа Эл. Интересно, ты сам поступил бы так же? При случае обязательно проверю. Едва не пропускаю момент, когда Элли хватает Элвина за запястье:

– Покажи руку! – Задирает рукав свитера. Винни поспешно тянет его вниз, но Элли уже разглядела, что у него даже имени на коже нет. Предлагает: – Хочешь, я пройду бокс с тобой?

Закашливаюсь, подавившись кофе. Она вообще поняла, что только скорость болтовни спасла ее от разбитого носа? И чего она ждет, что Элвин сразу же... Ошарашенно смотрю, как он, помедлив, встает, молча идет за ней. Элли сыплет объяснениями, что делать на лестнице и в боксе.

Она правда доверяет – всем и сразу. Даже тем, кто предаст, она протягивает руку, тех, кто не ждет добра, она одаривает широкой улыбкой. Миротворцу нечему ее учить!.. Но разве ее привез Миротворец? Как она назвала меня? Нахожу нужный отрывок записи, пересматриваю: «Значит, этот Дождь приходил». В груди ворочается что-то тяжелое. Это из-за погоды и формы татуировок. Она ничего не знает. Ведь так?

Победный марш заставляет вздрогнуть. Винни – как быстро я перенимаю их манеру называть друг друга! – трет све-

жую татуировку, Элли улыбается и болтает, пока рядом с первой каплей на ее руке появляется второе имя – «Элвин Гаррисон».

Отворачиваюсь от экрана. Одновременно одеваюсь, собираю в хвост волосы, ем овсянку, проверяю удивительно мирный восьмой этаж. Но мысли не исчезают, лишь чуть-чуть меняют направление. Зря я не закончил твое наказание, Эл. Ты извратил тесты, заставил ее поверить, что боксы можно пройти, схватив за руку первого встречного. Но это ведь не так.

– Ну, кто следующий? – звенит веселый голос. – Бет? А, ты была, точно! Тогда пошли дальше?

Сердито склоняюсь к микрофону, собираясь остановить ее... Бессильно опускаюсь в кресло, так ничего и не сказав.

– Ты знаешь, что на восьмом? – спрашивает Бет.

– Нет, – смеется Элли. – А какая разница?

Я не должен был ее привозить. Дыхание перехватывает, словно я снова под водой, и хочется вдохнуть, позволить ледяной тяжести взять меня. Но я не позволяю. Отчаянно брыкаюсь, готовый избавиться от чего угодно, пожертвовать всем, но выбраться – любой ценой!.. Почти любой.

– Там... – Бет опасно косится на камеру. – Там лабиринт, полоса препятствий. Нужно приковать себя наручником к трубе и пройти до конца, а из нее все время бьет пар. Мне рассказывали другие.

Эл слушает вместе с Элли, Винни забился в угол, стара-

тельно показывая, что он тут ни при чем. Правильно делает.

Встряхиваюсь. Здесь нарушают мои правила, правила Миротворца. Я должен быть перед экраном, а не в своих мыслях.

– С этого момента поподробней. – Элли наклоняет голову набок, как любопытная птица. – То есть тут есть еще люди? А спят они где?

– Не знаю, – признается Бет. – Я боюсь, что они снова не прошли тест. И он уже не позволил им вернуться.

Доктор знает – рассказывать о тестах можно только напарникам. Она сознательно нарушает правила.

– А может, у них получилось? – Элли никогда не теряет оптимизма. – И они сразу остальные этажи прошли?

– Они не собирались, – отзывается Бет. – Бемби была здесь до меня, потом появилась Элиша. Они много раз пытались пройти лабиринт, предлагали мне попробовать, но я отказалась. Миротворец сказал, что тут появится кто-то мне знакомый. – Бросает взгляд на Эла.

Я помню тот разговор. Ты осталась наверху, не пошла дальше, но когда я сдержал обещание, ничего не сделала.

Вызов с восьмого, и тут гаснет экран. Черт, давно нужно было пересесть за ноутбук. С планшетом можно хоть на кровати лежать, хоть зубы чистить, но условно стационарная машина имеет свои плюсы. Например, не вырубается в самый неподходящий момент. Когда древняя машина, натужно гудя, наконец загружается, оказывается, что я едва все не

пропустил. Дрон с восьмого жалобно пиликает, я, сдерживая неуместный смех, прошу:

– Эмберлин, мэм, отпустите мою технику.

Но темнокожая полицейская только крепче вцепляется в лопасти бедолаги-дрона, ее подруга тяжелым мячиком прыгает вокруг, скорее, в качестве моральной поддержки, чем реально помогая.

– Считаю до трех, – предупреждаю. Кровь вскипает, конечно, не той огненной лавой, как было с Элом, но тоже приятно. – Раз. – Не торопясь открываю меню настройки, навожу курсор на слайдер. – Два. – Зажимаю. Так и подмывает перевести на максимум без предупреждения, но нельзя. Правила есть правила. – Три. – Выкручиваю вывод тока на корпус.

Промаргиваюсь от яркой вспышки, различаю обломки дрона у стены. Эмберлин улыбается, глядя в камеру, Элиша копается в кусках плат.

– Мисс Дилейни, я предупреждал вас о последствиях, не так ли?

Моя ярость все равно что жидкий азот. Перед глазами возникают строчки тщательно собранного досье – она стала одиночкой после гибели напарника. Повторим на бис, мэм?

Пиликанье будильника чертовски некстати! Дергаюсь к включившемуся планшету, чуть не падаю с кресла, смахиваю надпись «пицца для гостей». Отложить на десять минут, да, да. Смотрю на экран: Эмберлин все еще ждет ответа.

Давай, Миротворец. Сбили тебе настроение или нет, играй свою роль до конца. Что она говорит?

– Здесь ты мне ничего не сможешь сделать.

– Я и не собираюсь ничего делать. – Считаю про себя до трех, прежде чем уронить камнем с моста: – Вам. Вы ведь не будете сидеть на восьмом этаже всю жизнь. – Она вздрагивает, но взгляд удерживает. Я тихо смеюсь: – Выдержка не поможет, мэм. Я знаю, где ваше больное место.

– Ой, этот маньяк угрожает мне, что ли? – вскидывает тонкие брови-скобочки Элиша. – Ух ты!

– Дрона разбила я, – перебивает Бемби. – Ты должен наказать меня.

– Должен? – нарочито удивляюсь. – Мэм, вы меня с кем-то путаете! Я, как выразилась ваша подруга, маньяк. И если я считаю, что гораздо эффективней наказать вас через мисс Бренниган, я так и поступлю.

Полицейская хмурится. Элиша встает, обнимает подругу, на лице у той мгновенно появляется мученическое выражение.

Нет, вы все-таки не пара. За месяц не выучить, что человек ненавидит прикосновения, – это надо умудриться. Очень раздражают эти ошибки, но Эмберлин слишком активна, чтобы месяц сидеть сложа руки, а выбранный для нее напарник вернется в город только в октябре. Хорошо, что Эбенизер не переехал навсегда.

Играет победный марш в первом боксе, переключаюсь ту-

да. На руке Бет уже рисуется имя, Эл стоит за ее спиной, потирая запястье. Переминается с ноги на ногу, ловит за локоть. Сглатывает, не находя слов.

– У тебя лицо отца, – коротко и прохладно говорит Бет, отступая.

Эл, на миг опешив, смешно разводит руками:

– Извини. – Потом предлагает серьезно: – Хочешь, можешь мне нос сломать, буду меньше похож.

Она медлит, но все-таки улыбается.

Вот зачем я создал тесты: чтобы люди, никогда не говорившие о своей боли, научились это делать. Не закукливались, а жили, двигались, как бы мучительно это ни было. Миротворец создает ситуацию, в которой у тебя нет выбора. Делай – или навеки замри в своем страдании. Делай – или останешься здесь навсегда. Хотел бы я знать, что сказала им Элли, если они отправились проходить этот тест вместе.

Опять настойчиво пищит будильник, послушно иду к морозилке за пиццей, кидаю ее на решетку духовки. Я все-таки не настолько садист, чтобы кормить гостей пиццей, разогретой в микроволновке.

Плохая шутка, Эдриан. Они могут называть меня как угодно, но я не маньяк и не садист. Я хочу научить этих людей доверять друг другу.

На второй день парк и кухня кажутся почти родными. Я, кивнув мистеру Джонсону, неторопливо шагаю к охраннику. Усатый мужик чуть моложе меня

отрывисто представляется:

– Гарольд Блэк. – Дождидается, пока я предъявлю корочку, сплевывает себе под ноги. – Нужно было сразу послать на хрен этого пацана.

– В самом деле? Почему?

– А потому что ни хрена он не бездомный. – Гарри смотрит на меня исподлобья глазами картежника, выложившего на сукно козырный туз.

– Мало ли где он получил одежду, – пожимаю плечами.

– Не в шмотках дело. Держался он не так. Не боялся.

Это уже интересно. Делаю пометку в блокноте, уточняю:

– Не боялся?

– Вообще, – уверенно подтверждает охранник. – Держался с такой скромностью, смотрел снизу вверх, девчонки от этого млели. А сам весь умытенький и с осаночкой. Таких бездомных не бывает. Вот Джерри, тот нормальный был. Вы ж про него вчера спрашивали?

Киваю, готовясь записывать. Похоже, сегодня у нас удачный день. Гарри в самом деле знает многое, а главное, соглашается прийти в отделение, чтобы составить фоторобот. Он и описывает намного точнее, чем вчерашняя бездомная. Я спорить готов, что догадаюсь, какие именно глаза и подборок он выберет.

– Давайте я, что ли, заявление напишу, – мрачно бурчит Гарри. – А то не дело, что парня никто искать не будет. У него и так жизнь была не сахар, сразу видно.

Когда я осторожно уточняю насчет наркотиков,

охранник аж взвизывается:

– Он же не идиот! Точно чистый, я его звал как-то простирнуть шмотье и помыться, видел руки. Не, ничем таким он не баловался. Хороший пацан, был бы помладше, я б предложил в опеку обратиться, а там, может...

Неожиданно замолкает. Приглядываюсь внимательней – обручальное кольцо на пальце. Своих детей нет? Или давно вылетели из гнезда. Вот и пожалел парня.

Кое-кто из моих коллег подумал бы о куда более неприятных вещах. Я их фиксирую дальним краем сознания – проверить охранника, соотнести, когда и где еще гостил пропавший парень. Мало ли. С голодухи на многое можно решиться. Увы, бездомные и проститутки остаются главными жертвами хоть маньяков, хоть просто придурков всех мастей.

Возвращаюсь к ноутбуку с вскрытой банкой рыбных консервов. Иногда так хочется поесть прилично, сходить в кино, побродить по парку. Потом вспоминаю, чем кончилась нормальная жизнь, и все мои желания смывает, словно рисунки на песке.

Десятый этаж встречает пиццу радостными воплями – Эл и Элли стараются. Элли, впрочем, разочаровывается, открыв коробку:

– Гавайская! Кто догадался пихать вместе курицу и ананасы? И почему так мало, где признание нашего героизма?

Эл со смехом умоляет пожертвовать ананасы страждущим, а не мусорке, Бет неуверенно улыбается, Элвин, утащив один кусок, снова забивается в угол. Он съедает едва ли половину запланированного мной пайка, но он и на свободе так делал. Очень удобно было грузить его в машину. Удобно и страшно. Он оказался намного легче, чем было записано в старой медкарте, и я испугался, что переборщил со снотворным. Препараты для компенсации передозировки я заранее не покупал, пришлось заезжать в аптеку вместе с гостем. Помню, свернул в первую попавшуюся подворотню без камер, открыл багажник, почти уверенный, что там труп. Но Элвин лишь наморщил нос от капнувшей на него воды и чихнул, как бродячий кот.

Хорошо, что Миротворец паниковать не умеет и уже тогда знал, как вырубать гостей хоть с помощью снотворного, хоть без.

Проверяю восьмой, Элиша мучает остатки разбитого дрона. На что она надеялась? В основе – банальный квадрокоптер, а электронные мозги после близкого знакомства со стеной наверняка разлетелись вдребезги. В любом случае без программы в них не влезть, а гости у меня принудительно перемещены в двадцатый век. Все личные вещи ждут у входной двери, в подписанных белых ящиках. Сумки, документы, кошельки, техника: телефоны, планшеты, даже фитнес-браслеты с плеерами, выключенные и с вынутыми аккумуляторами где возможно. По ним слишком легко было бы выследить

моих гостей. Конечно, я выбирал тех, кого в принципе не станут искать. Но всегда лучше перестраховаться.

Облизывая вилку, возвращаюсь к десятому – Элли опять болтает за всех и успела растормошить Эла настолько, что он шутит обо мне в полный голос. Впрочем, я не против легкого отношения и не собираюсь наказывать за слова.

Элли вытирает пальцы, кидает салфетку в опустевшую коробку.

– И что, тут всегда такое меню?

Бет кивает, пристраивая картонку на гору таких же. Элли округляет глаза:

– Фига себе, нездоровый рацион! Что он, не мог кухню с продуктами замутить? Не то чтобы я была великим кулинаром, но...

В самом деле, потолок общения Элли с плитой – яичница. Советую:

– Пройди дальше, и тебе воздастся.

Она вскидывается с неожиданной яростью.

– Я тебе что, осел, чтоб меня морковкой на веревочке подманывать?!

– Мы все для него ослы, – тихо объясняет Бет. – А морковка – возможность выйти отсюда живыми.

– Лучше сжую погонщика, – отшучивается Элли. – Дальше пойдём?

Энтузиазма никто не проявляет, и я начинаю надеяться, что, может, наконец-то выплыву. Особенно если девушки

на восьмом тоже будут паиньками и лягут спать, а не попытаются устроить побег.

– Да ладно, – не теряет надежду Элли, – один бокс можно пройти!

Я даже переключаю камеру, чтобы рассмотреть лица, – Бет бросает взгляд на Эла и делает вид, что увлечена пятнышком соуса на халате, Эл так же подчеркнуто смотрит в окно. Элвин вообще отвернулся от всех, ладонью накрыл карман, словно защищая драгоценную дозу.

Да, Элли, все-таки Миротворец был прав. Твое доверие – фальшивка, и они чувствуют это. Впрочем, она не пытается переубедить их, просто пожимает плечами и уходит в ванную. Я долго думал, устанавливать ли там камеры. Все-таки поставил – надо же знать, если кто попытается собрать бомбу из туалетной бумаги. Не могу понять, что происходит, на всех трех камерах – темнота со светлыми пятнами. Наконец догадываюсь.

– Элли, там есть вешалка. Сними одежду с камер, – прошу.

– Извращенец, – ругается она. – Ты что, не умеешь порнуху в интернете смотреть?

– Твое тело меня не интересует, – отвечаю холодно, – это вопрос безопасности.

В ответ плещет вода в душе. Приходится открыть секрет: – Это камеры с генератором помех. Я вижу только пятна разного цвета. Естественно, если соберешься сбежать через

канализацию, я отключу помехи и увижу все в деталях.

Сначала ничего не меняется, потом появляется размытое лицо.

– Спасибо, что не стал угрожать! – Улыбается. – С тобой все-таки можно договориться, а, Дождь?

Вздрагиваю. Хочется попросить не называть меня так, но тогда она наверняка будет повторять прозвище с утра до ночи. Уже собираюсь переключиться на другую камеру, когда Элли говорит:

– Оригинальное у тебя агентство. «Познакомьтесь в необычных обстоятельствах. Если вы подойдете друг другу, сможете сбежать, если нет – вам подберут новую пару!»! Не припомню, чтобы я заказывала подобные услуги.

– Ты считаешь... – С ней интересно разговаривать, она совсем меня не боится, – что прошла бы тесты с кем-нибудь из своих знакомых? Или, может, с родителями?

Интонация против воли выходит такой, что Элли кричит:

– Только попробуй притащить их сюда!

– И не собирался, – усмехаюсь. Мне больно говорить об этом, поэтому я не сдерживаюсь, добавляю: – Они прошли бы тесты друг с другом, а ты снова осталась бы одна. Ведь так?

Она молча выбирается из душа, одевается и хлопает дверью. Ожидаемый ответ. Ты все-таки знаешь это о себе, верно, Элли? Ты знаешь, что никто не станет тебя искать. Для мистера и миссис Майлз ты слишком взрослая девочка, зво-

нишь им изредка по праздникам, не поднимаешь трубку, если звонят они. Друзья новые каждый поход, в городе не получается ни с кем поддерживать общение. С карьерой и с коллегами тоже не складывается. Но ты никогда не признаешься в этом вслух. Хоть что-то в тебе не изменилось.

29 сентября

Спокойно поспать мне, конечно, не дают: в три часа ночи надрывается оповещение. Сажусь рывком, нащупываю планшет на тумбочке. Так и думал, девушки пытаются проскочить под прикрытием темноты – буквально; свет автоматически выключается на этажах в полночь, на лестницах остается слабая подсветка, и только тестовые боксы сияют всегда, пока я лично не отключу. Что ж, отличный повод доказать – от Миротворца ничего не скроется. Даже ночью.

Любуюсь гостями, шикающими друг на друга в боксе. Они всерьез считают, что, если говорить тихо, камеры не услышат? Смешно. Застегивают браслеты наручников, обсуждают стратегию, хотя уже пора понять – они не пройдут этот тест. И ведь два дня сидели тихо. Я почти поверил, что им хватило царапин и ожогов, чтобы поуменьть!

Сначала всем кажется, что боксы требуют физической подготовки, памяти или чего-то подобного. На самом деле важна только синхронизация.

Устраиваю планшет поверх одеяла. Тапаю по иконке микрофона, начинаю скучающим голосом:

– Добро пожаловать в третий тест. Перед вами полоса препятствий и одна пара наручников на двоих: одному браслет на правое запястье, другому – на левое.

Не спеша повторяю инструкцию, глядя, как вытягиваются

их лица. Злорадство невольно проскальзывает в интонациях, не оставляя гостям надежды, что с ними говорит запись. Лицо Эмберлин превращается в маску копа, говорящего с террористом.

– Мы можем вернуться и не пытаться пройти тест?

– Нет.

Люблю, когда одно слово вызывает реакцию более сильную, чем самые красочные угрозы. Улыбка Элиши подрагивает, она тянется взять подругу за руку и тут же отдергивает ладонь, – сблизившись, браслеты бьют током. Полицейская смотрит в камеру, пытаюсь найти слова или, скорее, надеюсь меня переглядеть. Забавная попытка.

Встаю сварить кофе. Без веселья мы не обойдемся, иначе чего ради было просыпаться? А для веселья надо быть в форме. Новый кофе слабоват, надо было все-таки взять пачку чего-нибудь подороже. Вспоминаю, сколько у меня денег на счету и на сколько их предстоит растянуть. О приличном кофе придется забыть, так же как об обедах. Хорошо, если на лапшу в пакетиках не перейду к концу тестов... А ведь изначально собирался этот эксперимент повторять. Кажется, тогда я был немного не в себе. Впрочем, как будто сейчас я «в себе». Особенно если сравнить с тем Эдрианом Рейном, каким я был десять лет назад.

Ночью мысли всегда перескакивают с одного на другое, хоть с кофе, хоть без. На чем мы остановились?... Первую преграду девушки проскочили без потерь, теперь прорыва-

ются за вторую – стремительно поднимающуюся из пола линию шипов. Полицейская вслух считает интервалы, я усложняю ей задачу, то и дело ставя ловушку на паузу. Наконец она угадывает ритм, в нужную секунду бросается вперед... Конечно, забыв о подруге. Элиша отстает не сильно, но достаточно, чтобы одна кроссовка потеряла кусочек задника. Крови не пролилось, но испугалась она всерьез.

Девушки ругаются, опять пытаются взяться за скованные руки. Впереди альпинистская горка, страховки нет, падать – три метра максимум. Зато шипов, хищно выныривающих из щелей, хватает. Мне пришлось соединить два этажа, чтобы сделать такой бокс. Вообще то, как я в одиночку строил свой замок ужаса, сам себе архитектор и каменщик, достойно легенды. Три года потратил, две трети средств и такой километраж нервов, что хватило бы от восточного побережья до западного трассу протянуть.

Наконец полезли. Это препятствие не для Элишиной физической подготовки, и в другом случае я наклонил бы для нее стену или увеличил безопасные промежутки, но сейчас моя цель – примерно наказать. Поэтому они застревают надолго. Наблюдать откровенно скучно, они не понимают самого принципа теста. Обе пытаются просчитать мои боксы, а нужно почувствовать их. Быть вместе, когда не можешь коснуться.

– Лезь! – командует подруге Эмберлин.

Момент неудачен, лезвие впивается той в ногу чуть ниже

колена. Элиша, к ее чести, не падает, только ругается заковыристо. Когда окровавленные шипы исчезают в щели, подтягивается, уходя из опасной зоны, всхлипывает. Даже хочется похвалить, но я сдерживаюсь. Интересно, Эмберлин хватит ума остановиться? Или гордость сильнее? Впрочем, у нее нет никаких гарантий, что я позволю вернуться.

Они лезут вверх. Полицейская похожа на сильное животное, пот блестит на темной коже, обрисовываются мышцы. Элиша пыхтит сердито, ее упрямство вызывает уважение. Пожалуй, если бы я мог наказать Эмберлин иначе, я бы это сделал. Но напарница – ее самое слабое место.

Во второй раз лезвие царапает бок вовремя отстранившейся Элиши, в третий – вонзается в руку, и она все-таки срывается. Эмберлин цепляется за верхнюю площадку, рычит, пытаясь не соскользнуть вслед за повисшей на цепи наручников подругой. Та наконец находит опору, смеется и плачет одновременно. Кричит:

– Я не смогу! Мне руку проткнуло, я еле удержалась. Давай вернемся!

– Нет! Лезь! – Эмберлин смотрит в камеру под потолком. Я жду просьб, извинений, но вместо этого слышу угрозу: – Молись, чтобы я до тебя не добралась, Миротворец. Клянусь, я не стану отдавать тебя под суд, я убью тебя. И сделаю это медленно.

Пустые слова, Бемби. Олененку не дотянуться до охотника.

Элиша пытается лезть. Смотреть на нее страшно – она скользит на собственной крови, она не Элли и не Эмберлин. Таких девушек называют милыми, мягкими и пышечками, если, конечно, они не против и не носят растянутые майки с надписью «Лед Зеппелин». Элиша против. У нее короткая стрижка и устрашающие очки, она огрызается на каждого, кто пытается сделать ей комплимент, и программный код любит больше, чем людей. Она никогда не казалась мне упрямой. Веселой, да, грубоватой, но с крыши шагнула сразу. Расхохоталась и прыгнула, словно в бассейн, солдатиком. Не помню, я вообще успел сказать, что она не умрет?

Смотрю на нее сквозь призму этого нового знания, замечаю, как она стискивает зубы и тут же улыбается, слезы текут по щекам, капают с подбородка на грудь. Спрашиваю негромко:

– Ты хочешь умереть, Элиша?

Бемби вскидывает голову, готовая не то угрожать, не то торговаться, а ее напарница смеется, хватается за высунувшиеся над головой шипы.

– А ты только заметил, маньяк? Но не надейся. Я сдохну не здесь.

Последним рывком перебрасывает себя на площадку. Полицейская осматривает раны, стаскивает с себя майку, ничуть не смущаясь камер, зубами раздирает на бинты. Спрашивает:

– Встать можешь?

Элиша с сожалением качает головой. Бемби садится рядом, ее спина блестит, бретельки спортивного лифчика выделяются на темной коже.

– Тогда отдохнем. Потом пойдем дальше. Мы уже много прошли.

Элиша еще не видит, что впереди, иначе истерически хотела бы. Такой же спуск вниз.

Я отпускаю их под утро. Они смогли спуститься и даже пройти еще одно препятствие, но на следующем Элише распоролу ноги настолько серьезно, что это грозило смертью без обработки и перевязки.

Когда с таким трудом преодоленные ловушки скрываются в полу, Бемби скрипит зубами. Дрон приносит ключ от наручников, стандартно суетится, наводя порядок в боксе. Эмберлин берет подругу на руки.

Я открываю дверь не сразу. Смотрю, как полицейская стоит, пошатываясь под чужим весом, как течет кровь из ее рассеченного лба. Жду. Элиша давно без сознания.

– Пожалуйста, – наконец выдыхает Эмберлин, – отпусти нас.

– Поклянись, что больше не будешь ломать мою технику. Она кривится, цедит сквозь зубы:

– Клянусь, что больше не буду ломать твою технику.

– Плохо врешь. Ты поняла и принимаешь свое наказание.

Повтори.

Она зажмуривается, явно удерживаясь от ругательства.

Смотрит на подругу, переступает с ноги на ногу. Выдавливает:

– Я поняла и принимаю свое наказание.

– Молодец, – шепчу, открывая дверь.

Откидываюсь на подушку. Больше не хочется бежать наверх, стоять рядом с их боксом. Только спать. Спорю на что угодно, разбудят меня часа через три. Если повезет. Если не повезет – через час. Ладно, буду надеяться, что жаворонки сегодня проспят. Или, по крайней мере, не станут ломиться в боксы с утра пораньше.

С подбородком я угадал, мягкий и округлый, совсем не шварценеггеровский, а вот с глазами прокололся – Гарри выбирает нестандартный, чуть азиатский разрез. Живописно растрепанные волосы, едва пробивающийся над верхней губой пушок – Джерри на фотороботе похож скорее на девушку с усиками, чем на парня.

Теперь на доске у меня над столом висит описание двух пропавших.

– Шон, распечатай листовки. Стандартные, «вы видели этого человека».

– С фотороботов, – фыркает Захари. – Пол, тебе хоть раз по ним звонили?

– Звонили. Как сейчас помню, в девяносто шестом и девяносто девятом году мы человек двадцать по фотороботу нашли... И все мимо.

Их в итоге нашло ФБР. Мертвых, да еще пятерых таких же. Ненавижу маньяков, но с моей

специализацией имею с ними дело омерзительно часто.

Утром оказывается, что я не выключил программу слежения, планшет разрядился, и в итоге я проспал завтрак. Выспаться впервые за пару недель – это прекрасно, но, пока техника включается, я успеваю придумать десяток возможных катастроф. Но на мое счастье, гости не успели ничего сломать. Только во второй бокс полезли.

Застегивают наручники, инструкцию к которым вчера выдала Бет. Элли шутит про специальную модель с тремя браслетами для трехруких инопланетян, хотя центральный застегнут на трубе раз и навсегда. Винни хмурится. Они не пара. Это что, только мне очевидно? Восьмой этаж не самый сложный, но попытка пройти его со случайным человеком чревата травмами. А если она так же полезет на четвертый или на второй?

Первая половина теста простая, так что переживут без моего наблюдения пять минут. Наскоро умываюсь – надежда регулярно принимать ванну и мыть голову давно канула в лету. Иногда я обещаю себе соблюдать хотя бы минимальную гигиену, но не могу даже дня продержаться. Когда выбор стоит между искупаться и поспать еще полчаса, результат очевиден. Коже плевать, а вот волосы придется обрезать – хвост превращается в мочалку.

Вспоминаю свою последнюю стрижку, и холодок проходит по спине. Я не суеверен, но некоторые сцены накрепко въедаются в мозг, заставляя избегать всего, что с ними свя-

зано.

Отправляю пиццу оставшейся на десятом паре, ставлю себе кофе.

В боксе камер больше, чем в комнатах отдыха, – мне нужно видеть все в подробностях. Электроника фиксирует движение, последовательно переключая картинку, я слежу за гостями краем глаза, готовя завтрак. Пока у них получается недурно, но это только разминка перед испытанием. Все-то и нужно, что перелезть через трубы одновременно с напарником, не дергая его за руку.

– Эй, осторожней! – вскрикивает Элли, едва не вывихнув запястье.

Винни замирает, проворчав что-то невнятное. Стоит, опустив голову, кусает губы. Здесь нет привычной тебе иерархии, невозможно понять, кто главный, и ты понемногу начинаешь пробовать окружающих на прочность, верно? Не стоит начинать с Элли. Она кажется восторженным золотистым спаниелем, но спаниель – охотничья собака.

И здесь нельзя молчать. Не в этом боксе, где сетка труб не позволяет разглядеть напарника, но от слаженности действий зависит все. Вы должны переговариваться, подстраиваться друг под друга, словно в танце. Мой любимый тест. Я проектировал его одним из первых: сначала полностью настроил на себя, потом добавлял программы, рассчитанные на гостей. Автогенерация была самой интересной частью, но потом я отказался от нее – выходило слишком сложно.

Винни, неожиданно выругавшись, спрашивает:

– Как ты там пролезает? Я тощий, но все равно едва протискиваюсь. Или с твоей стороны больше места?

Самая длинная речь с тех пор, как он проснулся на крыше.

– Разве что по меркам мыши, – смеется Элли, пытаюсь проползти в крохотное окошко частой сетки. Не самое удачное место, но я бы тоже выбрал его. Заглядывает на сторону Винни, присвистывает: – Ну и лабиринт у тебя!

Тот не отвечает, протискиваясь между двумя трубами. Скептически поджимаю губы – правило «если пройдет голова, то и остальное пролезет» никто не отменял, но, если он застрянет, как ребенок, засунувший голову между балясинами лестницы, выйдет глупо. Ему, однако, везет. Видимо, еще сильней похудел на пиццах, хотя вроде дальше некуда.

– Блин, а я думала, хуже быть не может, – стонет Элли. – Наш маньяк увлекался Эшером. Очень старался нарушить законы трехмерного пространства!

Если у них будут проблемы, они начнутся сейчас.

– Надо одновременно, – тихо говорит Винни.

– Да вижу, – беззлобно огрызается напарница. – Давай пробовать.

К моему удивлению, получается. Элли смеется, плавно проскальзывая между препятствиями, разве что не напевает в такт. Винни, стиснув зубы, повторяет ее движения так быстро, как может. Невольно думаю, как интересно было бы пройти этот бокс с ней, – я ведь тестировал его в одиноче-

стве, с напарником все должно быть иначе. Не просто вызов, но единение, близкое тепло и дыхание, общий ритм.

Винни шипит сквозь зубы. Они дошли до ловушек. Не так опасно, как шипы на седьмом, но ожоги можно получить неприятные.

– Эй, что у тебя там? – беспокойно спрашивает Элли.

– Пар... – Винни пятится, вынуждая ее тоже отступать.

На трубы предыдущего участка они налетают одновременно. Винни заглядывает к напарнице, выдавливая:

– Извини.

– Нормально все. – Камеры смотрят сверху, лиц не разобрать, но я уверен, она улыбается. – Хотя в следующий раз все-таки сообщай, что делаешь. Желательно – словами через рот!

Он быстро кивает, касаясь лбом решетки. Наверняка кусает губы.

– Идем? – говорит невнятно.

– У тебя промежуток, да? – догадывается Элли. – Бежим!

Стискиваю чашку. Для меня тест – карта с чередой точек с таймерами, и та, что перед Элли, мигает красным. Две секунды, одна, они не успевают! Дергаюсь к мышке, указатель пролетает мимо ловушки, выскакивает предупреждение: «Изменить эту часть лабиринта? Внимание: изменения могут повлечь за собой угрозу жизни гостей». Крик Элли:

– Тащи!

В развернутом окне видно, как она падает ничком перед

бьющей с потолка белой струей, Винни не останавливается, и Элли пролетает по гладкому полу, как на санках, врезается в трубы, но не вскрикивает. Винни замирает, вздрагивая, рука вытянута далеко назад – он пытался уберечь напарницу от удара. Напряженный, съезжившийся, и все-таки на миг под обликом нелюдимого бродяги проскальзывает... гордость?

Элли встает, охая, задирает майку, скептически рассматривает ободранную кожу на животе. Оборачивается к напарнику:

– Ты как? Извини, у меня пар сверху пошел, не успевала затормозить.

– Нормально, – хрипит Винни. Закашливается, вскидывает голову, выискивая камеру. Скажет мне что-нибудь?

Нет. Конечно нет. Рано. Он еще не научился огрызаться на того, кто сильнее. Но зеленые глаза щурятся, и сладкая дрожь в желудке подтверждает: скоро мне попытаются угрожать. Странно оценивать успехи гостей по собственным рефлексам, но критерия верней у меня нет.

Они идут дальше, то прорываясь вперед, то отступая, не всегда успевая предупредить напарника, падая и вытаскивая друг друга. Элли злится, торопится, Винни попадает под струю пара. Его едва задевает, но напарница тут же становится осторожней. Адреналин, верно? От него ты становишься другой. Забыла про это? Даже про это?

Вскоре ловушка накрывает уже ее. Она, вскрикнув, бросается вперед и стягивает через голову майку, оставляя ее

болтаться на цепи наручников. Левый бок весь красный, Элли кривится, с наслаждением прижимается к холодной трубе. Вспомнив о напарнике, говорит:

– Меня тут обожгло, извини. Ты там как?

Я, спохватившись, включаю дрона, ныряю в сплетение труб. Судя по тому, как Винни прижимает ладонь к животу, будет роскошный синяк, на лбу кровоточит ссадина. Медленно выпрямляется, выравнивает загнанное дыхание. Обреченно спрашивает:

– Далеко еще?

– Я откуда знаю! – Элли взмахивает руками, звенит цепь наручников. – Если эта часть такая же, как до ловушек, столько же, сколько прошли.

– Идем назад.

Больше похоже на констатацию факта, чем на просьбу.

– Эй, ну ты чего? – Элли повисает на сетке, как ребенок, упрашивающий родителей остаться в зоопарке еще на часок. Обжигает ладонь о трубу, подающую пар, отшатывается, но продолжает убеждать: – Мы уже так много прошли! Мы сможем!

– Нет.

Он не объясняет. Стирает текущую в глаза кровь, тяжело опираясь на решетку. Что ж, это все равно серьезный прогресс. Элли молчит, и я жалею, что не могу разглядеть ее лицо.

Какое оно, когда от тебя требуют отступить? Стискиваешь

ли ты зубы, блестят ли глаза яростью? Я хочу увидеть это твое лицо.

Но Элли только коротко выдыхает, интересуется:

– И что ты предлагаешь? Спиной вперед в обратном направлении пройти лабиринт? Задача не проще, чем двигаться дальше!

Винни запрокидывает голову. Молчит так долго, что напарница снова начинает его уговаривать, и только тогда выкрикивает:

– Миротворец! Позволь нам вернуться. Пожалуйста.

Впервые он заговорил со мной. Это смело для того, кто прежде не решался даже на прямое обращение ответить. Не могу удержаться, злая улыбка, которую я когда-то старался изображать, сама растягивает губы.

– Ты готов заплатить за это?

И Винни, секунду назад такой решительный, замирает, как кролик перед удавом. Это моя слабость. Если когда-нибудь я сломаюсь, если в самом деле превращусь в маньяка, то именно от любви к чужому страху.

Винни молчит, зато Элли говорлива сверх меры.

– О господи, нашелся самый страшный зверь в лесу! Я готова. Чего ты хочешь? На одной ножке тебе попрыгать? Какого черта ты придумал тесты, которые невозможно пройти?!

Она перехватывает инициативу, как мячик в игре. Усилим воли удерживаю улыбку. Они ее не видят, но слышат, я

знаю.

– Кое-что большее, Элли. Но пусть это будет сюрпризом.

Начинаю расплетать лабиринт под ее возмущенный возглас: «Эй, вообще-то я еще ни на что не согласилась!» Однако всерьез спорить не пытается. Теревит руку Винни, дотянувшись сквозь решетку, подбадривает его, рассказывая, как круто все получится завтра.

Как есть спаниель. Даже не понимает, что во второй раз он с ней не пойдет. Винни не из тех, кто любит играть с удачей, он усваивает свои уроки с первого раза. Не пара – значит, не пара. Правда, иногда такая готовность отступить может закрыть вполне реальные, хоть и сложные пути. Не все получается с первого раза.

Блоки лабиринта скрываются в полу, от сложной сетки труб остается решетка посередине и участок, на котором сидят неудачливые гости.

– Эй, смотри-ка! – Элли толкает напарника локтем в бок, взгляд прилип к двери в противоположной стене. – Прямой путь!

Винни только передергивает плечами, отворачиваясь. Умный мальчик. А вот у Элли с чувством самосохранения совсем плохо.

– Слабо взять и проскочить?

– Тогда следующий тест не пройдешь, – сообщаю спокойно.

Мне показывают язык. Иногда от того, насколько ты не из-

менилась, становится страшно. Да, гости должны относиться ко мне легко, чтобы не сойти с ума, но не настолько же! О чем ты догадываешься, Элли? Хорошо, что Винни правильно понимает намеки, а ты не решаешься бросить его.

Элли бредет через полупустой бокс следом за напарником, ворча об упущенных возможностях. Ловит ключ, принесенный дроном, щурится на беднягу так, что я всерьез начинаю задумываться о бронировании своих помощников. За гостями закрывается дверь. Осталось придумать, чем Элли оплатит за мою доброту. И еще наказание для Бет... Возвращаюсь к позабытому завтраку. Кофе я пил, помню, а вот с едой пока не сложилось.

Второй наш пропавший тоже в базе не засветился. Удивительно законопослушные бездомные нынче пошли. Шон приуныл – непривычно парню в двадцать первом веке работать практически с пустыми руками: ни ДНК тебе, ни отпечатков, никаких благ цивилизации. Почти никаких.

– Хей, Фуллер, – подхожу к коллеге. Осторожно, спереди, окликаю заранее. Винсента Фуллер у нас вроде ветерана Вьетнама, повидала всякое. Уже все привыкли к тому, что ее лучше не обнимать внезапно и не заходить со спины даже в шутку. – Разместишь пару пропавших в фейсбуке?

– Фотороботы, Пол? – Она смотрит без сочувствия, но и без насмешки, спасибо ей за это. – О'кей, скидывай в личку. Завтра днем будут.

Напарник, с утра получивший разнарядку, обзванивает больницы и морги округа. Подключаюсь, вычеркиваем из общего списка строку за строкой. Идем по расширяющейся спирали от парка. Когда закончим, возьмемся за церкви и благотворительные организации. Наши пропавшие – совсем мальчишки, так что завтра наверняка подключатся «Матери против преступности». Ну то есть как подключатся. Растиражируют объявление о поиске, начнут внимательней смотреть по сторонам, расспросят соседей, и те, может, что-нибудь вспомнят.

– Извините, сэръ. – Шон поднимает голову, когда у нас с ним совпадает промежуток между звонками. – Я не пойму, почему вы не позвонили Мэй.

Мэй курирует связи с волонтерскими поисковыми группами, благодаря ей нашлось большинство потеряшек. Но есть одна неувязочка.

– Они не старики и не дети, – напоминаю, не отрываясь от монитора. – Таких на пачках с молоком не печатают и на мобильники не рассылают.

Поднимаю взгляд на удрученного Шона, в очередной раз думаю, какой он все-таки молодой. Впрочем, оно и к лучшему. Дали бы мне Эзру, так он бы мне голову отгрыз на второй день за слишком дружелюбные и неторопливые методы работы.

Удивительно, но Бет и Эл решили дожидаться соседей, и завтракаю я одновременно с гостями.

– Не прошли, – сообщает очевидное Элли, жадно засовы-

вая в рот кусок пищи. – Завтра попробуем еще раз!

– Не попробуем, – наконец говорит Винни.

Забивается в угол со своей крохотной порцией, опускает голову под тремя взглядами.

– Объясни, пожалуйста, – мягко просит Бет. – Вы не пара?

Винни кивает облегченно: ничего не надо говорить, счастье-то какое.

– И что тогда? – неуверенно спрашивает Эл.

– Будем ждать, когда сваха привезет нам пары, – криво улыбается Элли. Машет рукой с деланой беспечностью: – Вы идите, что с нами сидеть! Черт его знает, когда следующая гроза, может, через неделю. Пройдете все тесты и вызовете полицию, пока мы тут будем куковать.

Она храбрится, но досада проскальзывает в движениях и голосе. Ты хотела бы сама выйти из дома и вызвать полицию? Сдать меня в руки правосудия, теперь – на законном основании?

Вряд ли кто-нибудь из них, закончив тесты, вспомнит об этой возможности. Пары – крепкие, единые – скорее будут благодарны Миротворцу за пережитый опыт, чем захотят отомстить.

Однако у меня проблема. Для Элли, я, допустим, могу привезти пару. А для Винни? Кто из будущих гостей проведет его?

Сейчас на пороге бокса, не глядя друг на друга, стоят Бет и Эл. Послушались Элли и решили идти вперед или у них

более сложный план? Что скрывается за поджатыми губами? Возможно, ничего, кроме отчуждения. Они и тест начинают так же отстраненно, обмениваясь лишь отдельными фразами. Не спешат, ждут друг друга, цепь наручников не натягивается ни разу, но я морщусь, глядя на это. Мои тесты следует проходить не так. Если не научатся здесь, дальше будет сложнее. Включаю микрофон.

– Тебе будет небезынтересно, Эл, что ты здесь из-за сестры.

Даю ему время осознать услышанное. Мальчишка только стискивает зубы, просовывает ладонь между труб, берет Бет за руку.

– Зачем ты это говоришь? – спрашивает зато она, шумно сглотнув.

– Потому что ты рассказала о тесте не напарникам, – усмехаюсь. Честность обычно ошарашивает, и я, пользуясь этим, подсовываю следом ложь. – Сначала я обратил внимание на тебя: хирург, которая никому не доверяет, была нужна для безопасности гостей и любопытна для меня. Я узнал о тебе многое... И нашел твоего брата. Сам по себе студент, которого выгнали из университета, меня не заинтересовал.

Вру, не краснея, на самом деле было с точностью до наоборот. Но какая разница, если благодаря моим словам равнодушие трескается. Эл налетает на трубу, Бет охает, дергается в сторону, встряхивая рукой. Видимо, брат слишком сильно сжал ее пальцы.

– Эл, послушай, – начинает она.

– Нет. – Эл резко мотает головой. Звенит цепь, это он выставляет руки, будто пытаясь оттолкнуть сестру. – Ты послушай. Я тебя ни в чем не виню. Меня бесит то, что он сказал, я очень жалею, что оказался здесь. Но это уже случилось. Я здесь. А ты – моя сестра. Я не могу это изменить.

– Но хотел бы, – шепчу я.

– Да, хотел бы! А еще хотел бы, чтобы пони срали радугой!
Но это не так. Все. Точка. Живем с тем, что есть.

Смотрю в его сердитое лицо, не сдерживая улыбки. Вот так правильно, Эл. Чувствовать, пусть даже боль, правильно. Медленно выдыхает Бет, замечает неловко:

– Когда выйдем, мы снова станем друг другу чужими. Как раньше.

– Не получится. – Ее брат мотает головой. Объясняет, и его злость затихает, становясь печалью: – Этот псих все делает для того, чтобы не получилось. Так что ближайшая цель – выбраться отсюда. Что будем делать дальше, подумаем, когда окажемся снаружи.

Бет ныряет под очередную трубу, Эл делает то же самое, и я вижу сверху, насколько ровно они идут, даже не держась за руки. Они обижены друг на друга, они не хотят сближаться, но, пусть по разным причинам, готовы сделать это.

Нужно придумать, как еще больше пробудить их общее чувство вины. Однажды оно вскрыется, как гнойный нарыв, и начнет наконец заживать.

Смотреть на успешный, но не идеальный тест скучно, я пользуюсь моментом для проверки остальных. Бемби щеголяет форменной голубой рубашкой. Она сняла ее, едва оказавшись в доме, видимо, не желая «пятнать честь мундира». Как будто то, что она ходила в майке, теперь пошедшей на бинты, что-то меняло. Сейчас Бемби с напарницей смотрят телевизор. Я оставил на восьмом много дисков, и процесс выбора наверняка был забавным. Итог тоже – Элиша прилипла к экрану, глядя, как бегают киношные копы, а Бемби то и дело прикрывает лицо ладонью, но сменить фильм не просит.

Иногда я почти верю, что вы пара, но потом вспоминаю об оставшемся наверху Винни. Жаль, Элиша ушла вниз раньше, чем я привез его. Поймешь ли ты, что он твоя пара, когда вы окажетесь рядом? Он ведь не подаст знака. Всегда есть ведущий и ведомый, и, к сожалению, если ведущий ошибается, ведомый редко исправляет его.

Этот ведомый тем временем заперся в туалете десятого этажа. Дрожащими руками отмеряет себе несколько крупинок наркотика, – психике, может, и хватает эффекта плацебо, а вот организм, привыкший к куда большим дозам, требует своего.

– Ты не сможешь вечно оттягивать конец.

Зеленые глаза поднимаются к камере, но он не отвечает мне. Винни можно понять – всю его жизнь спорить было смертельно опасно, – но все равно его молчание раздражает

сильней, чем своеволие других.

«Гости Эджернон Литтл и Элбет Литтл прошли второй тест». Кликаю по уведомлению, смотрю, как дрон тащит опустевшие наручники на старт. Открывается ведущая на этаж дверь.

– Привет. – Эл снова изображает веселого парня. – А я о вас слышал!

Элиша бросается обниматься, Бемби встает, представляясь и складывая руки на груди. Бет улыбается, украдкой вытирает глаза.

Ты в самом деле думала, что они умерли? Но ни разу не спросила меня о них. Даже не пыталась. Это естественно, бояться своего похитителя, но в этот миг мне кажется, что реакция Элли, которая забросала бы меня тысячей вопросов, лучше страха.

Просматриваю прогноз погоды. Гроз не обещают, ближайший дождь через два дня. Что ж, будем ждать. Встаю из-за ноутбука, потягиваясь. Удивительно, у меня есть время! Ногой включаю робот-пылесос, ухожу в ванную. Привожу себя в порядок, вспоминаю о забытом в машинке белье. Если бы не встроенная сушилка, одежда давно бы заплесневела, а так ничего, только измята до ужаса. Развешиваю рубашки, перешагивая через суетящийся пылесос. Иногда я чувствую себя котом – хочется или зашипеть и убежать, или усесться сверху, и пусть он меня катает.

Через пару часов подвал сияет чистотой, я замечательно

пообедал, а новых уведомлений все нет. Готовлю мясо, предвкушая, как буду по-человечески питаться ближайшие три дня. А когда-то не любил разогретую еду. Теперь смешно.

Молчание системы начинает настораживать. Гости решили расслабиться и ничего не ломать? Разворачиваю оба этажа на экране, слежу вполглаза, но тихая идиллия неподдельна. Внизу говорят об оставшихся наверху, наверху лениво играют в города.

Когда я понимаю, что так называемый отдых вымотал меня сильнее самого напряженного дня, гости уже ложатся спать. Следую их примеру.

30 сентября

С пропажи мальчишек прошло несколько месяцев, так что спешка не требуется, и вечером мы с Шоном расходимся по домам. Но бессонница не спрашивает, нужно ли мне выкладываться, работая ночами. Она просто приходит, ставя перед фактом. Конечно, я не сдаюсь ей сразу, пью таблетки. Не помогает. От сна остается одна картинка, даже не особо жуткая, – мальчик с первого фоторобота лежит на земле, неестественно выгнув шею, а вокруг расплывается кровь. Мне такое при каждом новом деле снится: новый фигурант и когда-то виденные обстоятельства смерти.

Но почему мальчик, приснившийся мне, намного моложе своего описания? Лет на пятнадцать выглядит, а не на двадцать с лишним. И детали откуда-то взялись, вроде бледных веснушек на аккуратном носу, – я бы его, кстати, не как восьмой, а как двадцать третий номер обозначил, у восьмого крылья шире. Но я же никогда его не видел. Или мог? В вещие сны я не верю, да и в интуицию не то чтобы, но от всего этого пропадает даже желание уснуть. Явиться на работу в три утра субботы – все-таки перебор, так что я, неторопливо умывшись и сварив полезной для желудка безвкусной каши, отправляюсь в парк.

Знакомой кухни не видать, в тишине пронзительно скрипят ветки и верещит неведомая пичуга. Бреду без

конкретной цели, размышляя, слежу только, чтобы не налететь на какую-нибудь парочку или наркодилера. Двое пропавших бездомных из одного парка. В разное время, так что не сговаривались. А они вообще были знакомы? Хотя бы в одно время в парке оказывались? Черт, как же мы про это не спросили. Достāju телефон, но потом вспоминаю, который нынче час, и ставлю будильник на полдень. Не стоит поднимать мисс Стрит среди ночи.

Просыпаюсь мгновенно, не понимая, что меня разбудило. Не кошмар, сердце бьется ровно. Можно было бы перевернуться на другой бок, но я предпочитаю довериться чутью. И не зря. На планшете Бемби и Элиша ломают уже не дрона и даже не камеру, а сам дом. Поддевают панель на лестнице деталью несчастного коптера.

Страх, злость, удивление. Отмечаю собственные эмоции, как сторонний наблюдатель. Почему-то удивление пришло последним и оказалось сильнее всего. Какая-то странность есть в том, что делают девушки... Конечно! Они пытаются взломать не дверь, закрывающую путь вниз и надежно защищенную, а стену. Так можно вернуться на этаж и проникнуть на территорию, которую я оставил для себя. Если бы я не сэкономил на материале! Стоп. Не время посыпать голову пеплом. Бояться тоже не время, до меня они не доберутся, лестницы и двери перекроют путь. Но остановить моих слишком наглых гостей все же следует.

Несколько глубоких вдохов, я стараюсь настроиться если

не на ледяную ярость, то хотя бы на веселый адреналин Миротворца.

– Те, кто не спит по ночам, зарабатывают наказание.

Бемби дергается, чтобы закрыть подругу, а та даже не оглядывается, словно не слыша меня. Добавляю мягкой угрозы в голос:

– Элиша, если ты сейчас же...

– Есть! – перебивает меня радостный возглас.

– Ты открыла путь в тупик, вниз так не попасть, – сообщаю скучающе. – И за это бессмысленное действие придется платить.

Она упрямо протискивается в узкий проем; светит фонариком, уверенно направляясь... К боксу? Назад? То есть она не ошиблась, а специально хотела попасть именно сюда, но зачем? Отправляю дрона проследить, тот выныривает из вентиляции, направляется следом за нарушительницей. Бемби медлит на пороге, смотрит в объектив камеры.

– Накажи меня вместо нее, – просит тихо. – Пожалуйста.

Смотрю, как Элиша простукивает стены, ведущие на противоположную лестницу, складываю головоломку из тихого вечера, разговоров о десятом этаже и выбранного направления. Догадавшись, что происходит, отвечаю полицейской:

– Она выбрала незнакомцев вместо тебя. – И попадаю в точку.

– Все равно. – Бемби встряхивает головой, прыгают рассыпанные по плечам кудряшки. – Не трогай ее. Она не знает,

на что идет.

Откуда такая вера в мое милосердие? Откуда вера в наивность Элиши, даже не спрашиваю. Впрочем, я могу извлечь из этого пользу.

– Я накажу ее так, чтобы она поняла свою ошибку. Но если ты останешься здесь, я не стану наказывать тебя. И ей будет легче.

Бемби хмурится. Откажется? Бросится следом за подружкой?

– Я поняла, – глухо отзывается она и ставит панель на место.

Переключаюсь на лестницу перед боксом, где скоро появится Элиша, потом на дрона. У меня есть пара минут, прежде чем она взломает стену на этой стороне. Пользуюсь моментом, чтобы перебраться за ноутбук, включаю свет и переодеваюсь. На часах четыре утра, можно было бы предположить, что наверху спят. Однако спит лишь Элли, свернулась в своем гнезде, крепко обнимая подушку во сне.

Прикусываю губу, глядя на нее. Твои объятия, длящиеся ровно столько, чтобы начать задыхаться, крепкие ровно настолько, чтобы хрустнули ребра. Я не удивлен, что ты стала альпинисткой, ты всегда была восхитительно сильной. Здесь с тобой может потягаться только Бемби.

Я бы хотел смотреть еще, просто видеть тебя, но нужно найти Винни. К счастью, это несложно, десятый этаж невелик. Винни сидит на площадке лестницы перед первым бок-

сом. Приходит в себя после наркотика? Похоже на то. Значит, у него больше не осталось порошка.

– Ты думал, что они будут делать с тобой, когда начнется ломка? – Впервые я не насмехаюсь над ним. Ну, почти.

Он медленно поднимает голову, возвращаясь в реальный мир.

– Да. Я скажу, когда будет близко, – отвечает едва слышно.

Звенит отлетевшая панель, Элиша едва не спотыкается о вытянутые ноги Винни. Не задумавшись ни на миг, протягивает руку:

– Привет, я Лекс. Пришла провести тебя вниз.

Винни щурится, прикрывая глаза ладонью. Против света она, наверное, похожа на полноватого ангела, сошедшего с небес. На лице Винни недоверие, грозящее перейти в благоговение, но Элиша буднично присаживается на корточки, осторожно касается его плеча.

– Эй, ты в порядке?

Он кивает, накрывая ее пальцы, точно не вполне верит в реальность происходящего. Откашливается, но говорит все равно хрипло:

– Привет. Я Элвин. То есть Винни.

Входят в бокс, держась за руки. Я бы поаплодировал тому, как красиво сложилась пара, если бы они не сделали этого поперек всех правил. Хмыкнув, блокирую перегородку, которая открывается, когда застегивают наручники. Лекс пинает полупрозрачную стену, оборачивается к камере:

– Миротворец, у тебя бокс завис!

– Я предупреждал, что не следует нарушать правила.

Винни, кажется, даже дышит через раз, чтобы не привлекать внимания. Лекс скрещивает руки на груди, как полицейская, только не расправляя плечи, а сутулясь. Однако задора не теряет.

– И что? За дрона ты нам тест усложнил, а теперь мы будем просто торчать посреди бокса?

– Именно. Ты поторопилась, когда нужно было ждать, и наказанием станет ожидание. Один день, после которого вы сможете пройти тест.

– Тогда дай вернуться назад, – нахально предлагает она. – Я хоть с Элли познакомлюсь. И твою пиццу вспомню, вот уж подлинный кошмар!

Подождав ответа, который я предпочитаю не давать, разочарованно вздыхает, оборачивается к напарнику, извиняясь. Впрочем, тот, наоборот, расслабляется, садится на пол, готовый ждать, сколько потребуется. На первый взгляд наказание кажется легким, – если забыть о том, что им предстоит провести день без еды, воды и туалета.

К утру успеваю обойти парк и встречаю рассвет на берегу. Мы с Марией часто загорали здесь летом. Река катит мимо, за высоким мостом поворачивает на север, далекие небоскребы подсвечены восходящим солнцем. Красиво.

Движение в листве едва заметно, это может быть

кто угодно, от белки до раннего бегуна, но я все же тороплюсь подняться по крутому берегу.

Натянутый между деревьев тент когда-то списали в военной части: он до сих пор справляется с маскировкой, а вот потрепанное красное одеяло бросается в глаза. Обитатель немудреного жилища едва оглядывается, разводит костерок под чайником на железной треноге. Подхожу не торопясь, присаживаюсь. Огня не предлагаю, хотя зажигалка у меня при себе. Я тут проситель, а не благодетель. Хмурый скуластый старик подкладывает под ветки мятую газету и крупные щепки. Очень здоровый, пальцы не дрожат. Ногти подстрижены, а не сломаны и не обгрызены. Интересный может быть собеседник.

Он заговаривает со мной, когда над чайником поднимается пар.

– Добро пожаловать, Пол.

Среди клиентов кухни я его не видел, но, возможно, у него там друзья?

– Спасибо. – Подумав, рискую представиться полностью: – Пол Сандерс, живу на Форестхилл-драйв. Детектив.

Старик кивает, наполняя жестяную кружку пахучим отваром.

– Джон, – отвечает коротко. Может, это даже настоящее имя, но без фамилии оно мне все равно ничего не даст. – Вы пропавших ищите. Двух мальчишек.

Киваю. На миг почти верю, что сейчас узнаю что-

нибудь важное, но старик шумно отхлебывает, бросает на меня равнодушный, непробиваемый взгляд:

– Ну-ну.

Убедившись, что ответов здесь не получу, прощаюсь, выбираюсь из парка. И только около «Перекрестков», любимой кофейни в квартале от дома, куда я пришел по привычке, хлопаю себя по лбу. Какое уж тут равнодушие, если он запомнил в подробностях, что делает в парке полиция. Мало того, в лицо меня опознал! В таком ключе заключительное «ну-ну» особенно интересно.

Возвращаюсь в два раза быстрее. Тент с одеялом на месте, но следы костра старательно уничтожены, самого бродяги не найти, хотя я рыскаю по окрестностям, пока не приходит пора отправляться в участок.

Хорошо, однако, день начинается. Вполне уловисто, несмотря на пропажу таинственного старого Джона. Хотя, конечно, на третьем фотороботе меня коллеги засмеют. Пусть даже это уже не пропавший, а ориентировка для патрульных. Если заметят похожего старика, скажут мне сразу. Может, я ухватился за собственный хвост вместо ниточки. И все-таки хуже от этого не будет.

Утро для восьмого этажа проходит в молчаливой панике. Бет готовит завтрак, но все валится у нее из рук, Эл неловко помогает сестре. Бемби едва ли не час ожесточенно делала зарядку, а теперь сидит на полу, скрестив ноги и глядя в одну точку. Медитирует? Молится?

Сожалеешь ли ты, что не пошла вместе с Лекс? Никто из вас не ожидал, что героически-идиотское решение вернуться за отставшими кончится таким образом.

– Эй... Винни, ты где?

Роняю лопатку, которой переворачивал омлет. Хотя я осознанно включил фоновую трансляцию с десятого, голос заставляет вздрогнуть. Искушение посмотреть в лицо всеми покинутой Элли слишком велико, и планшета для этого недостаточно. Сажусь за ноутбук.

Она обходит комнату, заглядывая во все углы, проверяет ванную и лестницу, где на дверях светится красным сигналом, означающий, что бокс занят. Лицо Элли становится озадаченным, спустя мгновение обиженным, но между этими двумя выражениями успело вскипеть молочной пеной иное, третье, от которого я ежусь и улыбаюсь одновременно.

– А меня предупредить, что уходит? И как вообще у него это получилось? Не проспала же я новенького, в конце концов!

Возвращаюсь к плите – завтрак еще не пригорел. Элли ворчит за спиной, обращаясь уже ко мне.

– Эй, а меня кормить пиццей не нужно, что ли?

Забавно слушать ее комментарии фоном. Словно мы просто живем рядом, обычные соседи, ничего особенного. Оглядываюсь на монитор... и замираю, прикованный к месту льдисто-голубым взглядом. Дергаю воротник, глотая воздух, отхожу к холодильнику. Ледяное молоко обжигает горло, я

закашливаюсь и долго не могу отдышаться. На сером линолеуме пола белые кляксы, в моих руках – непонятно когда вынутая из морозилки пицца. Смотрю на нее несколько секунд, потом закидываю в духовку. В самом же деле нужно отправить на десятый еду.

Счастливым днем для Элли, у меня закончилась гавайская пицца. Правда, рыбу она тоже не любит. Неожиданно злюсь – я что, всерьез об этом думаю? Беспокоюсь о том, что кто-то из гостей не в восторге от еды, – на десятом этаже, где они должны проводить максимум пару дней?

Не кто-то. Она.

К реальности меня возвращает запах горелого омлета. Кофе решаю не варить – я слишком мало спал, лучше подремать днем, чем будить себя стимуляторами. С ними полчасика бегаешь, как ужаленный, а потом сидишь отупевший, не способный даже заснуть.

Отправив Элли пиццу, смотрю, как в боксе Лекс и Винни играют в «правду или действие». Пока в шутку, но в таких случаях перелом всегда наступает неожиданно. Вот и сейчас Лекс выдает:

– Почему ты носишь свитер? Тут вроде тепло.

Винни вздрагивает, натягивает рукава на пальцы. Отворачивается. Она, поняв, что задела его, торопится добавить:

– Ты можешь не отвечать!

– Тогда какой смысл играть. – Блеклая улыбка говорит не столько о доверии, сколько о том, что действие последней

дозы наркотика не выветрилось до конца. – У свитера длинные рукава.

Замечаю, как вспыхивают азартом глаза Лекс, и удивляюсь – мне казалось, жестокость ей не свойственна. Впрочем, Винни решает не дожидаться следующего круга и добровольно избавляется от своего грязно-бурого чудовища. Поводит худыми плечами, на которых болтается пожелтевшая от старости майка, вытягивает руки, демонстрируя ряды точек, в основном уже поблекших.

– Я наркоман. Теперь моя очередь. Правда или действие?

– Правда, – тут же отвечает Лекс. Виновато качает головой. – Извини. Я не хотела лезть.

– Ничего, – мужественно врет Винни, – все равно бы всплыло. Давай ответное: почему ты так одеваешься?

Теперь ее очередь помрачнеть и отвернуться.

– Чтобы не выглядеть красивой. Чтобы никого не заинтересовать. – Ее веселое круглое лицо становится ожесточенным. Она могла бы остановиться сейчас, но искренность, как опьянение, не дает молчать. – Чтобы никто не сказал, что я «сама хотела». Чтобы вообще никто никогда не посмел даже подумать...

У нее перехватывает дыхание, Винни хмурится, протягивает руку, словно желая коснуться, но только хрипит:

– Это же бред, Лекс. Гребаный бред.

– Нет. – У нее страшная, вымученная улыбка. – Не бред. Так все говорят. А еще – что такая страшная телка должна

быть благодарна, что обратили внимание. И что если бы не хотела, то ничего бы не было. И что надо было сказать им вежливо, и они бы отстали. И...

– Послушай! – Он встряхивает Лекс за плечи, звенит цепь наручников. – Знаешь, единственное, что ты можешь сделать?

– Расслабиться и получать удовольствие? – Она спрашивает это таким слабым голосом, что страшно становится даже мне.

– Нет! – Винни говорит медленно и отчетливо, с такой силой, какую я в нем даже не предполагал. – Нет. Не знаю, какой мудака придумал этот бред. Наверное, тот, кто считал, что никогда не будет жертвой. А ты можешь напасть в ответ. Кусаться, выцарапывать глаза, вцепиться в горло. Знаешь, кошка, которая бросается на пса, выглядит не смешно, а страшно. И шансов выжить у нее больше.

Лекс хлопает носом, судорожно вздыхает. Кивает, вытирая глаза. Винни, только что произнесший прочувствованную речь, отпускает ее плечи. Отводит взгляд, добавляет:

– Ты не должна делать даже это. И вообще ничего не должна. Разве что суметь жить после того, что случилось. Вопреки всему. – Опускает голову так низко, что прижимается подбородком к груди. Шепчет: – Ты классно справляешься. Я так не смог.

Она поднимает на него взгляд, в заплаканных глазах отражается недоумение. Очень типичная реакция, подавляю-

щее большинство упускает из виду половину жертв насилия. Винни ежится, словно на ледяном ветру, спрашивает насмешливо:

– Что, думаешь, как можно заставить парня? Да ладно, многофункциональность задницы – не тайна.

Шутка звучит как мучительная попытка принизить значение произошедшего, сгладить. Может показаться, что это соответствует лозунгу «жить дальше», но, чтобы научиться жить после перелома, нужно осознавать, что тот был. Делать что-то, чтобы кости срослись правильно, а если не вышло, понимать свои ограничения. Не травмировать себя каждый раз с удивлением и болью, словно это случилось только вчера.

– Ох, Винни.

Лекс прикрывает рот ладонью, не в силах выразить ужас словами. Винни, конечно, все понимает не так. Он боится презрения. Но Лекс придвигается к нему, обнимает крепко, словно обещая защитить. Он замирает в ее руках недоверчивым зверем, потом расслабляется, прикивает, шепча недоверчиво:

– Теплая...

Она смущенно хихикает:

– Может, поспим пока? Накроемся свитером, как одеялом.

Винни кивает, сползает ниже, так что, когда она ложится на пол, его голова оказывается у нее на плече. Вдвоем встря-

хивают свитер, выворачивая и расправляя. Их руки в браслетах наручников вздернуты вверх, подвешены на общей цепи, соприкасаются локтями: мягкий и полный – Лекс, сухой, в россыпи веснушек – Винни. Мир и покой, они засыпают, словно пара после свидания. В некотором смысле так и есть.

Брачное агентство, да, Элли? Намного лучше. Брак – это про общий бюджет и продолжение рода. А вот так засыпать на плече, выговорившись и выплакавшись, можно только у друга. Где-то фоном думается: какое прекрасное задание Миротворец мог бы дать им на четвертом. Самое сложное, самое страшное. Которое действительно тяжело пройти, но все-таки не невозможно. Одергиваю себя. Я, как бы ни шутила Элли, знаю о существовании порнохаба и никогда не был фанатом даже постановочных роликов про насилие. Тем более не хочу смотреть на почти настоящее.

В боксе теперь тихо, на десятом Элли лежит в подушках, устроив пиццу под рукой и перелистывая страницы книги. Зато в жилой части восьмого напряжение вот-вот перехлестнет через край.

– Почему ты не пошла с ней? – спрашивает Эл.

Он не обвиняет, скорее, просто интересуется, подтверждая заодно, – это был их общий план. Ловлю нужный ракурс камеры, чтобы увидеть, как окаменеет лицо Бемби. Но отвечает она спокойно:

– Наказывая меня, Миротворец бьет по напарнику. Так ей легче.

Усмехаюсь. Правильно поняла и правильно реагирует: ждет, как и следовало с самого начала. Устраиваю щеку на сложенных руках, возможно, у меня будет несколько минут, чтобы подремать...

– Дождь, – тихо поправляет полицейскую Бет. – Элли придумала называть его Дождем.

Вскидываю голову. Теперь и ты используешь это прозвище. Как скоро все забудут о том, что я представлялся Миротворцем?

В камеру они смотрят втроем. Правда, Эл тут же отворачивается, старательно намывает посуду. Девушки взглядов не отводят. Собираются обратиться ко мне? Ну-ну. Бет сцепляет руки на коленях, словно школьница, набирающаяся храбрости перед разговором с директором.

– Что с Лекс? – спрашивает наконец. Ждет, но я молчу. Она хмурится, подходит к камере. – Миротворец, Дождь. Пожалуйста, ответь нам.

В ее движении – открытость, настойчивость, почти бесстрашие. Рядом тут же оказывается Эл, сжимает ладонь сестры. Поднимается с дивана Бемби. Единый фронт, делегация от восьмого этажа. Мне не страшно.

– Я могу заплатить за то, чтобы помочь Лекс? – продолжает Бет.

Готовность пожертвовать собой, ради чего? Если бы ради брата, ради Элли, с которой вы сдружились наверху. Но вы с Лекс всего пару часов поговорили!

– Нет. Придется ждать. Это наказание за то, что вы ее не остановили.

Выдыхает с облегчением Эл, привычным жестом скрепчивает руки на груди Бемби. Бет смотрит в камеру из-под челки. Вдруг спрашивает, словно пристрелочным выстрелом метит в молоко:

– Почему именно доверие, Дождь? Чем оно так важно для тебя?

Попадает в центр мишени. Если хотела ранить, ей это удалось.

– Кто-то предал тебя, – предполагает. – Кто-то очень близкий.

Я мог бы перебить ее. Сказать, что думает Миротворец. Но она бьет слишком точно, неожиданно легко проникая за мой щит.

– Или, возможно, кто-то не доверился тебе? – звучит в динамиках, словно течет из них обжигающий яд. – И тот мальчик, которым ты был раньше, решил, что люди не умеют доверять, и захотел научить их этому.

– Не он. – Я не хочу отвечать. Так почему же отвечаю? – Тому мальчику это никогда бы не пришло в голову.

– Что превратило тебя в Миротворца, Дождь? – тихо спрашивает она.

Стискиваю зубы. Я не Дождь. Я Миротворец. Бет пытается найти у меня слабое место, создать связь, зачем? Надеется на лимский синдром, думает, если я привяжусь к ним, то

отпустить на свободу без тестов?

– Бесплезно, доктор, – смеюсь через силу. – Вы ошиблись адресом, вам нужно говорить не со мной, а со своим братом.

– Почему? – В ее голосе улыбка и настойчивость. – Ведь мы доверяем тебе жизнь. Верим, что, когда пройдем тесты, ты нас отпустишь.

– Последний бокс открывается в прихожую. Я не смогу помешать вам выйти, даже если захочу.

– Мы верим тебе. – Она смотрит в камеру, прямо в глаза. Больно. Что-то сжимается в груди, кусок льда трескается, истекая живой кровью. Не хочу. Хватит. Отболело. Почему же тогда Элли здесь?

Указатель мыши наконец подчиняется мне, напрочь отключая звук. Миротворец сердито хмурит мои брови: он не понимает, как этот разговор может нас задевать. Напоминает – нужно сконцентрироваться на реальных проблемах. Например, что делать, когда Лекс и Винни пройдут бокс. Ведь на восьмом станет нечетное число гостей. Даже если я привезу Эбенизера и Эзру в ближайшие грозы, проблемы это не решит. Не пропускать же кого-то из них вперед без теста! Тем более не возвращать назад.

Из этого тупика много выходов, но один мне нравится больше всего. Не самый очевидный для Миротворца, не вполне честный, но очень изящный путь. И не придется дожидаться грозы. Ухмыляюсь, разворачивая план второго бокса, вношу несколько мелких поправок, благодаря кото-

рым все удастся. Ты ведь не сможешь сидеть сложа руки, верно, Элли? Ты обязательно выберешься из своего уютного гнезда.

Я буду ждать.

– Пол, я разместила. – Винс окликает меня через ряд столов. – Ответы будут приходить тебе.

Первых сообщений жду добрый час, зато потом добропорядочные горожане как с цепи срываются, помимо фейс-бука называют по телефону.

– Да. Спасибо большое. Мы обязательно проверим. Повторите еще раз, где вы его видели?

Главное – не упустить в потоке бесполезной информации действительно ценные крохи. Все имена и адреса записываю, чтобы перепроверить, дважды вежливо отправляю в пресс-службу ушлых независимых журналистов. Одну, кажется, даже по голосу узнаю, больно характерная манера держаться у девушки. Улыбаюсь минут пятнадцать после ее нахального предложения:

«Привет, как насчет интервью по вопросам расследования?»

Все бы такими прямолинейными были.

– Пить хочется.

Бокс. Проснулись наконец-то. Сверяюсь с часами – даже если я проявлю милосердие и позволю им пройти тест ровно в полночь, этой паре еще долго предстоит сидеть взаперти.

Встаю из-за стола, потягиваясь, спина отзывается хрустом

и легкими вспышками боли. Не помню, я ел сегодня? Кажется, да, но давно пора обедать, если не ужинать. Голодовка все-таки должна быть у гостей, а не у меня, иначе превращусь в Винни, которого сносит порывом ветра.

Гость на экране встряхивается, словно мокрая сова, натягивает через голову свитер, служивший одеялом. Хрипит:

– Как ты? – Откашливается. Голос даже более впечатляющий, чем обычно.

– Нормально, – зевает Лекс. – Жалко, не понять, сколько мы проспали. Вдруг пора махать руками Миротворцу: мол, день прошел, ура?

Винни вымученно улыбается, обхватывает себя руками. Приближаю картинку, ловлю его лицо – глаза красные, больные. Очевидно, действие наркотика кончилось, организм требует продолжения банкета, но устроить это Винни при всем желании не может. И в таком виде он собирается проходить тест? Ну-ну. Хоть напарнице скажет, что с ним?

Конечно нет. Классический пример – один приступ откровенности не гарантирует дальнейших отношений. Особенно если проснулся голодным и разбитым. Впрочем, на предложение продолжить игру Винни соглашается.

Я разогреваю себе обед, слушая их. Фантазия хромает на обе ноги, но это и хорошо. Например, ответ на вопрос: «Где ты живешь?» – для Винни отнюдь не такой банальный, как может показаться.

Бездомный с раннего детства, рыжая тень широко извест-

ного в узких кругах человека. Иногда я думаю, что у людей, стоящих по другую сторону закона, больше шансов найти меня, чем у ФБР. Как минимум, они меня видели и могут сложить два и два.

Время идет, в боксе замолкают, охрипнув от избытка разговоров при недостатке воды. Внизу обсуждают меня и нервничают, наверху Элли сидит на лестнице, медитируя на светящийся красным замок.

– Чего они застряли? – бормочет себе под нос. – Эй, Дождик! Если там проблемы, как у нас с Винни, может, вернешь соседей? Я же рехнусь одна!

Усмехаюсь, не отвечая. Тебе не так долго ждать, как ты думаешь. Но прерывать наказание я не стану. Не в этот раз. Никогда больше.

Она лениво расшнуровывает кроссовку, прицеливается в камеру над головой. Фыркает, не бросив, приваливается плечом к стене. Что-то мурлыкает себе под нос, я прислушиваюсь. Зажмуриваюсь на миг, смотрю в экран с яростью. Как ты смеешь петь это? Здесь? Ты понимаешь, что...

Сжимаю кулаки, заставляя себя остыть. Она всего лишь напевает мелодию. Я знаю ее музыкальные предпочтения, она не слушает эту группу. Мы оба в последний раз слышали эту песню десять лет назад.

– Вот же привязалось, – не то удивленно, не то сердито замечает Элли. – Эй, Дождь! Хоть музыку включи, а? Иначе я ее сочинять начну, а слуха у меня нет, имей в виду!

В смысле, сочинять? Ты не помнишь?

Телефонная трель мешает продолжить мысль. Полночь.

1 октября

Подъем перегородки Лекс встречает глухим воплем, Винни молча встает, готовый ко всему. Похоже, обещание еды и питья сильно повышает мотивацию гостей. Несмотря на день взаперти, они хорошо идут. Конечно, тест соответствует физическим возможностям, но я ждал, что обстоятельства усложнят им жизнь. Видимо, наличие партнера помогает преодолевать любые преграды. По Лекс это не так заметно, зато Винни удивляет за двоих. Он живой. Чуть неловкий и медленный, но как светятся его глаза, какая благодарность наполняет каждый, идеально синхронизированный с напарницей жест.

Принятие, верно, Винни? Ты не ждал его. Не верил, что человек может быть таким теплым, что кто-то может узнать о тебе все и не отвергнуть. Что на тебя вообще могут смотреть без презрения, без обидной жалости. Дружелюбно. Подсказывая, помогая, болея за тебя, – и не только потому, что Лекс хочет пройти бокс. Она хочет, конечно, но вдвоем. Ты ей важен настолько же, насколько она сама. Ведь ты тоже не отвернулся. Ты поддержал, сказал то, что она давно мечтала услышать. Принял протянутую руку, прильнул к подставленному плечу, – а она так этого хотела. Найти близкого. Того, рядом с кем можно без страха заснуть.

Я должен радоваться: пара сложилась. Если бы у меня еще

были на это силы. Голова тяжелая и гулкая, хочется сползти по стенке и заснуть прямо на полу. Усталость думает вместо меня – все еще может рухнуть. Им предстоит через многое пройти, и тесты будут уже не помогать строить связь, а проверять ее на прочность.

Отмахиваюсь от неприятного кома мыслей, с трудом выбираюсь из кресла. Посуду – в мойку, одежду – на стул, технику – заряжаться. Ноутбук закрыть, свет выключить. Голосовую трансляцию из бокса оставить, хотя я очень надеюсь, что она мне не пригодится.

Спокойной ночи, гости. Пожалуйста, не будите меня до утра.

О том, что я собирался позвонить мисс Стрит и спросить про мальчишек, вспоминаю глубокой ночью, снова ворочаясь без сна. Подумав, пишу сообщение – она работает допоздна, может, половина первого для нее и не время вовсе?

Оказываюсь прав.

– Здравствуйте, детектив Сандерс, – звенит в трубке веселый голос. – Я не помню, но спрошу у остальных, ладно? Можно вам перезвонить через полчаса?

Если не помнит она, то и от остальных вряд ли будет толк, но я соглашаюсь. Как назло, тут же наваливается жуткая сонливость. Перебираюсь из кровати за стол. Нет ничего хуже ожидания. Смотришь на часы, и кажется, что проходит вечность, прежде чем сменится хоть одна цифра. Погипнотизировав экран четыре

минуты ровно, сдаюсь и нахожу ноутбук. Удобно бывает сериалы смотреть, когда не спится. Телевизор мы включали только вдвоем с Марией, когда у обоих авралов не было.

За телефон хватаюсь при первых звуках гимна.

– Детектив? Мы вспомнили! То есть Джерри не вспомнили, но мой пропавший вообще ни с кем не общался. Точно! Только в самый первый раз, лет пять или шесть назад, мы точно не вычислили, его один старик привел.

– Какой старик?

Описание совпадает с Джоном даже в мелочах, вроде красного одеяла, наброшенного на плечи. Чувствую себя терьером, взявшим след. Он все еще может оказаться ложным, но радостно повизгивать все равно тянет.

– Опа! Так я не поняла, можно самой пройти, что ли?

Подскакиваю на кровати, хватаю планшет – драгоценные потерянные секунды. Вверх по лестницам, а я ведь думал починить лифт! Оступаюсь, пальцы касаются ступенек, толкают тело вперед, дальше. Останавливаюсь у белой двери, слышу одновременно из-за стены и из динамика:

– Миротворец, блин! Что за шуточки?!

Сглатываю, смотрю на экран планшета – из угла змеится, словно молния, трещина. Треснул, когда я едва не упал? Главное, что работает, об остальном подумаю позже.

Элли не стала ждать ни грозы, ни пары, ни утра. Стоит,

сердито встряхивая рукой в наручнике, сверлит взглядом перегородку.

– У тебя что, баги в тесте? – предполагает. – Какого черта ты там меня пустил, а здесь – нет? Как вообще теперь эту хрень проходить?!

Успокаиваю дыхание. Дублирую вторую сторону лабиринта, перемешиваю блоки в случайном порядке – достаточно честно, для Элли я оставил почти такой же бокс, как для себя, проверяя тест. Прикручиваю свет так, чтобы не различать лицо человека, стоящего за частой решеткой. Особенно если не хочешь его различать. А ты не захочешь, верно? Осторожно кладу планшет на пол, дверная ручка мягко поворачивается, пропуская меня в сумрак бокса. Браслет холодит запястье, глаза Элли блестят в темноте, когда она пытается разглядеть нежданного напарника, и отшатывается, не веря тому, что видит. Звенит цепь.

– Эй... Кто там?

Протягиваю руку меж частых труб, касаюсь ее пальцев. Горячие и темные на фоне поблескивающего металла, они вздрагивают, а я мягко шагаю вперед, увлекая ее за собой.

Не знаю, о чем ты думаешь сейчас, Элли. Не представляю. Но я помню, что десять лет назад сделала моя сестра. Этого достаточно.

Тест может казаться игрой, если проходишь его вместе со своей парой. Тест может казаться адом, если пара не твоя. Для нас он – нечто большее. Мне не нужно держать ее за

руку, не нужно видеть, чтобы знать, где она, как не нужно волне оглядываться на товарку. Они просто несутся к берегу, чтобы накатить на песок. Лабиринт не может задержать волну, потоки пара почтительно пропускают нас и смыкаются за спинами, как занавес. Мир понятен и прост в этих движениях, ты выходишь на полшага вперед, как всегда. Твое плечо мелькает в сплетении труб, не я веду тебя, наоборот, ты первая нахлынешь пеной на берег, я приду за тобой, накрою твой след ладонью, как одинокий Робинзон, который не в силах поверить, что он больше не один.

Но лабиринт кончается, впереди – выход. Подбираю с пола ключи, расстегиваю браслет. Шепчу:

– До свидания, Электра.

Она оборачивается, и счастье растворяется, как молоко в кофе. Я ныряю в свою дверь, подхватываю планшет и запираю проход. Боюсь, что ты последуешь за мной? Что не сделаешь этого?

– Эй, – тихо звучит голос, – Миротворец? Дождь?

Молчу. Ступеньки мелькают одна за другой, вот уже пятый этаж, второй... Мой подвал. Падаю в кресло. Ноги гудят, сердце колотится в горле. От бега? Не только?

Элли уже у двери, на весь экран ноутбука: «Тест пройден с неопознанным гостем». Игла, зависшая над ее кожей, прячется, оставив только третью черту. Каплю дождя. Правда похоже.

– Ну да, – хмыкает Элли, – будет слишком смешно, если

на моей руке появится никому не известное имя. Или вообще надпись «Миротворец».

– Рад, что мы друг друга поняли, – откликаюсь. Добавляю с мягкой угрозой: – И не советую вспоминать о том, что ты видела.

– Слушай, какого черта? – тут же возмущается Элли. – Или это правда был баг, а ты таким образом решил его исправить?

Улыбаюсь. Ты всегда поступаешь наоборот, верно? Ты не забудешь, я рассчитываю на это. Но все же не рассказывай другим, как мы проходили бокс. Это только между нами. Наша маленькая тайна. Тебе ведь тоже было хорошо? Ты чувствовала эту легкость, знала, что мир принадлежит нам, что мы – неотвратимая, великая сила, способная на все.

Именно такому единению я хочу научить остальных. Чтобы люди поняли, какое это прекрасное чувство, когда ты не один. Когда вы – вместе, когда вас – двое. Хотя бы двое. Надо же с чего-то начинать.

Встряхиваюсь, откручиваю погромче звук с восьмого этажа.

– А, – удивленно моргает Бет, выбежавшая встречать подругу к боксу, – новенького нет?

Элли хитро улыбается, склонив голову к плечу, и я догадываюсь, что она скажет за миг до того, как первое слово срывается с тонких губ. Боль неожиданная и острая, словно укол булавкой, но намного сильнее.

– Меня провел Дождь. Самолично.

Смеется в ошарашенные лица, рассказывает о сокровенном до безумия легко, как о чем-то неважном, едва ли не смешном. Зачем? Я даже не злюсь, смотрю в экран и комкаю воротник рубашки, не находя слов. Это обида? Мне давно не приходилось ее испытывать: ни у кого не было шанса меня предать. Ты использовала эту возможность по полной. Как и всегда. Судорожно вздыхаю, расстегиваю верхнюю пуговицу. Детское отчаяние отдаляется, схватываясь коркой льда. Я уже не беспомощный мальчик, ты не знала? Миротворца предавать небезопасно.

Как и положено терьеру, срываюсь в парк, едва рассветает. Иногда хорошо быть стариком – даже не заметил, когда мне стало хватать пяти часов сна. Раньше между делами спал, как сурок, а во время работы наливался кофе так, что разве что из ушей не текло.

Трушу по беговой дорожке, опоясывающей парк. Слева открывается вид на озеро, тропа взбирается на очередной холм, приходится замедляться, так что до дороги, тянущейся вдоль реки, добираюсь только минут через десять.

Место вчерашней стоянки не пусто, но тент пропал. Ночующие здесь встречают меня недружелюбными взглядами. Решаюсь-таки задать пару вопросов.

– Детектив Сандерс. Вчера на этом месте жил Джон, высокий старик. Вы не знаете, куда он ушел? Мне надо

поговорить с ним.

Конечно, ответов не получаю. Может, правда не знают, а может, не хотят рассказывать. Впрочем, чего еще я ждал? Зато сплетен не будет: в открытую, с такими формулировками полиция ищет не подозреваемых, а свидетелей.

Конечно, Джон мог вообще уйти из города. Но кажется мне, что бездомный, живущий в парке столько лет, предпочтет найти ухоронку на своей земле. Ну так и я живу в городе не первый год, парк облазил вдоль и поперек еще мальчишкой. Посмотрим, чья возьмет.

Наказать Элли сразу я не могу: в комнатах отдыха у меня нет реальной власти, а ошибки, вроде попытки сунуться в следующий бокс, она не совершает. Злость не исчезает, но уходит в глубину. Холод течет по жилам, придавая движениям хищную плавность. Так ли хорошо это выглядит, как ощущается? Впрочем, на меня все равно некому смотреть. Уже скорее утро, чем ночь, спать я не могу, и ничто не отменяет ни необходимости уборки на десятом, ни ноющих мышц, которые не в восторге от идеи пробежаться вверх-вниз еще раз.

Треснувший планшет под мышкой служит напоминанием – вот что бывает, если поддаться слабости. Придется купить новый, а потом возиться с ним, устанавливая программы. Сдать этот в ремонт я не рискну, даже отформатировав его до базовой системы.

Решил подыграть гостям, Эдриан? Насладиться единени-

ем? И чего ты ждал в ответ, благодарности? Ха.

В этот раз поднимаюсь медленно, каждый шаг дается с трудом. Мое тело достаточно выносливо, если нужно перетерпеть неудобства вроде холода или боли, но для физических тренировок оно не создано. Сажусь передохнуть на шестом этаже, слушаю гостей.

– А представляете, этот псих сейчас выкидывает коробки из-под нашей пиццы! – смеется в наушниках Эл.

Усмехаюсь, откинувшись к стене. Он ошибся, я только собираюсь этим заняться. Но отвечать на шутку нельзя. Они мои гости, пленники, подопытные мышки в боксах, а я – Миротворец. Меня должны бояться.

Потайная дверь на десятый этаж спрятана самым банальным образом – ее закрывает книжный шкаф, для верности прикрученный к паре направляющих. Пять минут работы отверткой, осторожно отодвинуть препятствие, и я на месте. Три года назад я не стал покупать пылесос, подумав, что, если понадобится, принесу свой. Потом решил не ремонтировать лифт, потому что, во-первых, он выдавал бы меня шумом, а во-вторых, сделать это без специалистов затруднительно. Я и так взял на себя роль каменщика, сантехника и электрика. Превращаться еще и в лифтера в планы не входило.

Утрамбовываю коробки в пакеты, собираю валяющиеся где попало упаковки из-под соусов. А мог бы провести мусоропровод, как изначально думал. Но потом решил, что не

смогу сделать надежную защиту от побегов. Вот теперь работаю уборщицей.

Н-да, Эдриан, с планированием у тебя не сложилось. Вернее, у вас. Не забывай, Миротворец – не совсем ты. Эдриан Рейн никогда бы не смог построить боксы или предсказать поведение гостей, исходя лишь из их биографий. А Миротворец смог. Миротворец не шутит, он следует правилам и заставляет других следовать им. Миротворец не проходит тесты с гостями и не прерывает прохождения. А я прерываю, потому что иначе уже стал бы убийцей.

Книга, которую я подобрал с пола, выскальзывает из рук, чудом избежав падения в ведро с водой. «Правдивые мемуары». Я надеялся, что ты обратишь внимание? Должно быть. Оглядываюсь, уборка привела меня в угол, облюбованный Винни. Значит, Элли книгу даже не видела. Обжигает раздражением, я бросаю «Правдивые мемуары» на полку.

Почему ты должна отличаться от других? Просто еще один человек, залезший в гроб и накрывшийся крышкой раньше, чем его собрались хоронить, искренне считающий при этом, что у него все в порядке. Что глухое одиночество, замкнутость, страх подпустить ближе – норма. Я докажу тебе, что это не так. Что вы все ошибаетесь.

Уведомление приходит, когда я убираю ведро в подсобку. Не зря добавил слово «Дождь» в программу. Открываю трансляцию с ближайшей камеры. Элли хлопает дверцей холодильника, взывает ко мне замогильным голосом:

– Дождик, прием! Как насчет пожрать? Мы уже все слопали.

Верно, последняя поставка была небольшой и на двоих, а не на всю компанию. Если бы ко мне обратилась Бет или кто угодно другой, я, пожалуй, дал бы им продукты. Но не Элли. Она, не дождавшись ответа, снимает кроссовку, замахивается на ближайшую камеру. Предупреждает, как полицейский перед выстрелом:

– Я твою технику разбить собираюсь! Не хочешь меня остановить?

Стискиваю зубы. Ты считаешь, что имеешь право на такой тон? После того, что сделала? Как жаль, что я не спланировал способы принуждения в комнатах, сейчас уже... Стоп. Почему поздно? Нахожу ближайшего дрона, задаю ему точку, в последний момент успеваю отбить не слишком старательно брошенную кроссовку. Элли азартно подпрыгивает, надеясь поймать технику, но дрон успевает скрыться в вентиляции.

– А голосом поговорить не хочешь? – спрашивает Элли уже серьезней. – У нас правда еда кончилась.

– Продуктов не будет, – информирую весь этаж сразу. Добавляю мстительно: – Потому что Элли нарушила мой прямой приказ.

– Эй, а остальные тут при чем?! – возмущается она, пока другие частью делают вид, что их это не касается, а частью сердито и укоризненно смотрят в ближайшие объективы.

Игнорирую разом и их, и, в общем, справедливое замечание Элли. Она резко опускает плечи, отворачивается. Бормочет:

– Лучше бы я наверху осталась.

Подходит молчавший до того Эл, неловко хлопает ее по плечу, старается проявить оптимизм Лекс:

– Наверняка дальше еда есть! Следующий бокс проходной...

– Так пошли, – вскидывается Элли.

Но я не успеваю обрадоваться: Винни мрачно напоминает:

– Один тест в день. Забыли?

Они еще спорят, когда я встаю из-за ноутбука. Недавний эксперимент с днем без кофеина мне не понравился: время подремать было, но слишком хочется следить за гостями каждый миг, чтобы спать. А только соберешься расслабиться и отвлечься, с тобой решают поговорить.

Разговор с Бет – горькая пилюля. Подтверждение, что с кофе я куда эффективней, чем без. Миротворец не позволил бы себя ударить.

Пока жарится яичница, разбираю на пряди несчастный хвост. А ведь когда-то мог провести расческой по всей длине, и она не застревала! Сестра делала так же и злилась, если не получалось с первого раза. Волосы были чем-то вроде нашей общей тайны. Сейчас вспоминаю и удивляюсь, почему никто меня не дразнил. Наверное, мы были, с одной стороны, настолько белыми воронами, что длинные волосы

уже ничего не меняли, а с другой – настолько сильны в своем единстве, что лезть к нам было небезопасно.

Как я скучаю по тебе. Ты не представляешь, каково это – быть разделенным, когда на месте привычной половины остается пустота.

Мысли и еда занимают не так много времени, но достаточно, чтобы на экране меня уже ждало уведомление. Приходится перечитать его трижды, прежде чем я верю в происходящее.

Какого черта в боксе оказались Бемби и Бет?! Им что, пары не очевидны? Ладно, я могу понять полицейскую: ее прошлая напарница обрела родственную душу, а тут такой богатый выбор. Но Бет! Это что, синдром отличницы? Помогите всем заблудшим, спасите каждого застрявшего на дереве котенка? А брат твой что будет делать? Или ты собираешься повторить подвиг Лекс, вернувшись за ним, и снова создать наверху нечетное число гостей? Не говоря о том, что я вас за такую наглость накажу, и мало не покажется!

Стискиваю зубы. Медленно вдыхаю. Выдыхаю. Спокойно. Гости – не куклы, чтобы точно следовать моему плану. Они могут и будут ошибаться, это неизбежно. Неужели я не был к этому готов? Не был. Верил, что, пройдя тест со своей парой, они сразу поймут – нужно срабатываться с этим человеком. Придется запомнить, что для них это не очевидно. Нет, не верно. Для кого-то – может быть, но Эл и Бет знают друг друга. Она ждала его, они начали проходить тесты

вместе, начали говорить. Разделяться – очевидная глупость. Поругались они там, что ли?

Перспектива пересматривать записи в поисках незамеченного конфликта не вдохновляет: я все равно ничего не смогу сделать. Остается сконцентрироваться на настоящем. В новой паре Бет оказывается ведомой и неожиданно хороша в такой роли. Действует, словно медсестра во время операции, выполняет указания быстро и четко, успевая скорректировать то, что необходимо. Физическая подготовка у нее лучше, чем у Лекс, это сглаживает проблему синхронности. Бемби, как обычно, несется вперед, словно большая хищница, которой нужна мягкая рука человека. Не жертвы и не дрессировщика, но друга, который поможет вовремя заметить опасность, удержит, не дав броситься в огонь. Друга, которого она вынесет из пекла на своей спине.

У меня было два кандидата на эту роль. Пары, в которых я не был уверен, партнеры для Бемби и Элли – один более уравновешенный, второй более активный, но в целом оба ведомые. Я полагал, что найду верное сочетание, когда все четверо окажутся здесь. Сейчас я рассчитываю, что пару составят сами девушки.

Смотрю скептически, как гости отдыхают на вершине горки. Почти без царапин, могло бы показаться, что это хороший знак, но обе молчат. Ни шага навстречу друг другу, просто люди, оказавшиеся в одном месте в одно время, ничего больше. На десятом они вели себя примерно так же.

Словно услышав мои мысли, поднимает голову Бет:

– Нужно поговорить, иначе не пройдем тест. Они на этом построены.

– Возможно.

Бемби пожимает плечами и замолкает. Бет молчит тоже, затем медленно меняет позу, превращаясь в зеркальную копию напарницы. Та фыркает, скрещивает руки на груди. Спрашивает неприязненно:

– Ты доктор, верно? Психолог?

– Нет, – качает головой Бет. У нее любопытная интонация: спокойная, но не бесстрастная и не теплая. Голос благожелательного незнакомца. – Хирург. Психологией я интересовалась, но не стала получать специализацию. Для такой работы надо сначала разобраться со своими проблемами, а я не была к этому готова.

Бемби коротко кивает, снова повисает молчание. Бет тихо просит:

– Скажи хотя бы, как тебя зовут на самом деле. Вряд ли как олененка?

– Конечно нет, – фыркает та. Мгновение кажется, что она этим и ограничится, но Бемби надоедает изображать каменную статую. – Эмберлин Дилейни, офицер полиции. Не из вашего штата, я приехала помочь с расследованием, которое касалось моего участка. Вероятно, здешние мои коллеги считают, что я веду самостоятельные поиски или вообще уехала обратно, а в Делавэре думают, что я еще работаю здесь.

Поджимает полные губы, взгляд на миг затуманивается. Бет рассказывает в ответ:

– Я работала не в основном составе больницы, а по приглашениям, больше занималась исследованиями. Нам выделили грант на разработку одного лекарства, но получилась не команда, а сборище талантливых одиночек. Каждый сам по себе, даже пива в баре не выпили.

– А друзья? – неожиданно спрашивает Бемби. – Семья?

– Мама умерла недавно, – спокойно отвечает Бет. – Отец – давно. Остался только Эл. Мой брат.

Бемби поднимает брови, но тут же отводит взгляд, показывая движением, что это не ее дело. Бет слегка улыбается, протягивает к ней руку, но, заметив, как напрягается напарница, убирает ладонь.

– Извини.

– Ничего, – хмыкает Бемби. – Элиша постоянно лезла обниматься. В смысле, Лекс. – Вдруг резко меняет тему: – Ты как, отдохнула?

Бет кивает. Я смотрю, как они начинают спускаться, как Бемби чуть внимательней следит за напарницей, меньше торопится. Ну хоть что-то. Даже коснулись нужных тем. И все равно – не то! Это было полезно, но с другими людьми было бы лучше. Жаль, я не дал возможности проходить боксы несколько раз. Судя по стремлению гостей меняться парами, это было бы интересно, позволило бы лучше сработаться.

Когда я только начинал конструировать дом, то думал о

возможности проходить тесты втроем, вчетвером. Ведь доверие – не брачные узы, ты можешь, должен доверять многим. Потом понял, что не справлюсь. И тем более не справятся они, люди, не доверяющие вообще никому. Так что я не настаиваю на доверии многим, наоборот, более чем достаточно одного напарника. Пары – идеальной, твоей. Той, с которой ты станешь волной.

Девушки застревают перед очередным препятствием, я кладу опустевшие тарелки в посудомойку, проверяю прогноз. Циклон решил поторопиться, и график сегодняшнего дня щетинится молниями, что само по себе прекрасно, но какие планы у моих кандидатов?

Первый из дронов, болтающихся в городе, летит домой за подзарядкой, дом Эбенизера все еще пустует, зато с третьим потенциальным гостем мне везет. Прокурор уже пробыл на свободе дольше, чем мне бы хотелось.

Переодеваюсь – неброская одежда, наушники, перчатки, волосы прячу под тонкую шапку. Совершенно обычный парень, никто не обратит внимания, главное – тщательно упаковать платок со снотворным и отмерить дозу в шприце. Проверяю, не разрядился ли планшет, по пути заглядываю в импровизированную операционную: убедиться, что даже в полусонном состоянии не забыл убраться после Элли.

Вот и лестница, отпираю замок на люке, откидываю крышку. В окна прихожей струится свет, после подвала неприятно яркий, хотя небо затянуто облаками. Сколько я

не видел солнца? Кажется, даже не скучаю по нему, наоборот, удобно: никогда не засвечивает планшет и не загорает лицо. Я больше нравлюсь себе бледным, подвал в этом смысле идеален.

Закрываю тяжелую железную дверь, адреналин щекочет кожу, торопит, вызывая злую улыбку. Над домом, словно в ответ, собираются тучи, наливаются чернотой. Когда я завожу драндулет, грохочет гром, и по стеклу колотят первые капли.

Дорогие гости, пожалуйста, постарайтесь прожить без Миротворца пару часов. Он очень занят и очень счастлив.

На трассе запускаю навигатор, строю динамический маршрут до дрона. Двух дронов – они кружат рядом, словно влюбленные голуби, хотя люди внизу вовсе не гуляют под ручку. Лишь один из них знает, что они вообще живут в одном городе, и я должен начать именно с него. Если первой исчезнет журналистка, Эмори поднимет тревогу в лучшем случае спустя пару часов. Его же собственную пропажу заметят только на работе, и даже там он до сих пор внештатный специалист, не слишком дружащий с коллегами. Его не станут искать. Некому.

Проверяю, что происходит дома. Бет и Бемби заканчивают бокс. Не без потерь: у Бет пробита ладонь, у ее напарницы – длинная рана на щеке. А если бы лезвие прошло несколькими сантиметрами правее? Потираю шею. Как часто они чудом избегают смерти? И я ведь не смогу помочь. Никто не

сможет. Если это случится... Дроны с горем пополам смоят кровь, но если в самом деле придется однажды убирать тела...

Впрочем, пока ведь не приходится. Даже если один из гостей теряет сознание, его выносит другой. Видимо, если один из них умрет, нужно будет бросить мертвого в боксе, а потом увезти. Похоронить на пустыре.

Передергивает от мыслей об этом. Но упрямство гостей может привести к таким последствиям. Буду ли я делать что угодно, чтобы избежать подобного исхода, или предоставлю гостям самим расхлебывать последствия их ошибок? Одергиваю себя, вырубивая на перекресток. Менять что-то прямо сейчас я не собираюсь, остается ожесточиться, сказать: «Это их собственная вина». Стать чуть больше Миротворцем, чем Эдрианом. Проще было бы выбрать что-то одно. Понятно, что именно, Эдриан давно умер бы, если бы не Миротворец. А я не хочу умирать.

Навигатор рисует траекторию трех сближающихся точек: мою и дронов, неотступно следующих за кандидатами метрах в тридцати над головой. Выкрашенные в пятнистый блекло-серый, почти бесшумные, их не вижу даже я, тем более ничего не подозревают гости.

В город гроза еще не пришла. Утро воскресенья, цель моей цели завтракает за стеклянной стеной кофейни, что-то строчит на внешней клавиатуре планшета. Я замечаю ее еще издали, неторопливо проползая мимо в общем потоке ма-

шин. Наклоняюсь к лобовому стеклу, нахожу Эмори на втором этаже пекарни напротив. Серые, словно пасмурное небо, глаза смотрят поверх моей машины, угадать куда, не сложно.

Журналистка за столиком то и дело поводит плечами, отхлебывает эспрессо. Неужели до сих пор не привыкла к ощущению чужого взгляда? Оно ведь преследует ее почти каждый день, стоит только выйти из дома. Наконец она сердито захлопывает крышку планшета, бросает на стол банкноту, выскакивает из раздвижных дверей, чудом не задевая створки плечом. Взмахивает рукой:

– Такси!

Проезжаю мимо. Так легко похитить тебя сейчас. Но нет. Нельзя. На асфальте появляются темные пятнышки разбившихся капель. Надо действовать быстро. Заезжаю на парковочные места. Выхожу, прихватив зонт, рука в кармане комкает пакет. Шагаю в темную прихожую, винтовая лестница ведет вниз, к туалетам, мимо пробегает официантка, я вежливо улыбаюсь, встряхивая нераскрытым зонтом. Наверху шаги – сердце подпрыгивает, грохочет в ушах. Полиэтилен под пальцами рвется. Эмори, не замечая меня, торопится к выходу. Ладонь на плечо, платок к носу и рту раньше, чем он успеет повернуться, как раз тогда, когда каждый делает вдох перед тем, как возмутиться, что его так нагло останавливают. Платок обратно в карман, руку Эмори мне на плечи. Он бормочет:

– Что...

– Привет, Лэнг, где ты пропал? – громко говорю я.

Толкаю дверь, веду его к машине, радостно неся чушь. Ведь я не похищаю человека, вовсе нет. Просто мы встретились со старым приятелем, и я подвожу его. Слава Америке, никому не интересно куда.

Вталкиваю на заднее сиденье, забираюсь следом, нащупывая в нагрудном кармане шприц. Эмори встряхивает головой, соскальзывают с носа узкие очки. Слишком бодрый, дернется – и не попаду в артерию. Средство на платке частично выветрилось, но я все-таки снова прижимаю ткань к лицу гостя, задерживая дыхание. Зубами стаскиваю защитный колпачок шприца, игла вонзается в кожу именно там, где нужно, струя снотворного с током крови вливается в мозг. Все.

Сердце еще колотится в бешеном ритме, тело кажется легким, словно воздушный шарик. Начинают дрожать руки. Прячу по карманам шприц и платок. Гость рядом мирно спит, я сижу в полной прострации.

Какого черта, Миротворец? Это не самая тихая улица города. Подождать не мог? Эрика поехала или в журнал, или на очередное интервью, и там, и там тише, чем здесь. Плюс Эмори на своих колесах, можно было устроить небольшую аварию в переулке побезлюдней. А теперь за его машиной возвращаться, прятать ее непонятно где.

Все-таки ты мастер создавать проблемы. Но да, я понимаю почему. Очень яркие впечатления. Я словно на миг ста-

новлюсь по-настоящему живым, забываю обо всем. Остается только цель, опасность, мои действия – и никакой боли.

Будет совсем замечательно, если из-за этого не сорвется все наше мероприятие. Оглядываюсь – никто не смотрит в мою сторону. Жалобно пиликает телефон – дроны сообщают, что должны найти укрытие, пока не вышли из строя. Перебираюсь вперед, Эмори медленно заваливается на бок, когда я встраиваюсь в поток машин. Проверяю планшет, на лестнице перед седьмым этажом бурно радуются чужому успеху, только Винни сидит хмурый, завернувшись в плед.

– Мы все равно до завтра не пройдем, – хрипит и закашливается, вытирая рукавом текущий нос.

Похоже, начинается ломка. Быстро, я думал, у него будет хотя бы пара дней между последней дозой и началом абстинентного синдрома.

Эл вздыхает, смотрит на дверь тоскливо. У него на лбу написано, как он голоден и не рад перспективе ждать. Элли толкает его в плечо:

– Эй, не грусти!

– Я не грущу, я жрать хочу, – жалуется он. – Согласен даже на пиццу, хотя наверху думал, что год от одного запаха тошнить будет!

– Всего год?

Они перешучиваются, но идти в тест раньше времени не пытаются. В следующей комнате Бемби хмыкает удовлетворенно, обнаружив маленькие спальни, ее напарница держит-

ся скованно. Я добираюсь до пригорода, когда Бет, улучив момент, запирается в ванной и просит:

– Пожалуйста, я могу узнать, что происходит на восьмом?

– Нет, – коротко отвечаю я.

Хочется добавить: «А вот не надо было разделяться!» Но я держусь. Пусть дойдет до этой мысли сама.

– Пожалуйста, – тихо и упрямо повторяет она. Прикусывает губу, безнадежно спрашивает: – Если с Элом что-то случится, ты не скажешь, да? Потому что я отправилась без него. Но Бемби была одна, мне показалось, она больше ни с кем не сработается. Лекс и Винни подружились, а Эл уже проходил тест с Элли. И это она тогда... Не я.

Замолкает, проглатывая слова. Я морщусь. Ну хоть догадалась, что не стоит говорить со мной о том, как Эл отделался всего половиной положенного наказания. Хотя... А Бет вообще об этом знает? Или она имеет в виду, что Элли в принципе побежала спасать ее брата? Кажется, Элли не рассказывала, что отняла его у меня. Сам Эл потерял сознание еще раньше. Приятно обнаружить, что моя слабость осталась в тайне.

Асфальт рассыпается щебнем. Когда я сворачиваю с дороги, исчезает даже он. Пожалуй, колея в пожухлой траве выдает меня сильнее всего, хотя я не единственный в трущобах, у кого есть машина. Это Америка, детка, без колес ты даже до ближайшего магазина не доберешься. Здесь мог быть процветающий район города, если бы не «трагическая

случайность», как это обозвали в газетах. До сих пор не понимаю, как они это провернули. Как вышло, что я оказался мертв с точки зрения СМИ и в тюрьме по факту. Как они сумели замести под ковер не деньги и не сокращение штата, а наследника, может, не самой большой, но все-таки империи.

Может, мне стоило устроить тесты для лжецов? Ухмыляюсь, потирая грудь. Не то чтобы я выбирал. Просто однажды в светлой камере очень современной тюрьмы что-то щелкнуло у меня в голове, и родился Миротворец, желающий научить людей говорить и слышать, доверять друг другу. Всех людей на этом голубом шарике. Мне удалось убедить его, что родной город – неплохое начало.

На восьмом вяло играют в «Я никогда не...», видимо, посчитав безопасной альтернативой правде или действию. Смешно, с учетом прошлого некоторых из них.

– Я никогда не лепила куличики, – делится Лекс на диване. Оглядывается недоверчиво, когда руку поднимает только Эл. – Что, серьезно?

Винни рядом с ней кивает, Элли неловко смеется:

– Слушай, я понятия не имею! Вообще не помню своей жизни до четырнадцати лет.

Хмурюсь. Этого я не знал. И это многое объясняет. Останавливаюсь у единственной многоэтажки на весь пригород, выхожу открыть гараж.

Эмори мирно спит. Интересно, как сократят его имя остальные гости? Не то чтобы я на самом деле выбирал их

по первой букве. Впрочем, может, и выбирал. Иногда мне страшно от того, сколько решений Миротворца проходит мимо меня. Иногда смешно, что я этого боюсь.

Кошелек, бумаги, телефон, верхняя одежда аккуратно ложатся в коробку, я подписываю стикер: «Эмори Лэнг». Теперь на операционный стол. Чип в индивидуальной упаковке ждет своего часа. Крохотная деталь ложится идеально, теперь гость идентифицирован, физическое состояние в норме, легкая интоксикация пройдет без последствий в ближайшие часы.

Оставить его на крыше, вернуться в город за машиной. Проще всего приехать на своем драндулете, припарковаться возле дома Эмори, вернуться к пекарне на нашем полумифическом общественном транспорте или на куда более реальном велосипеде напрокат – кажется, я видел неподалеку. Ладно, разберусь. Сначала десять этажей вверх. В третий раз за день. Ты же любишь зарядку, правда, Дождик?

Спотыкаюсь на ровном месте. Как я себя назвал?... Мотаю головой. Неважно. Это не имеет значения. Просто мы привыкаем к прозвищам, ничего больше. Это не влияет на то, кто я на самом деле. Правда же?

Подхватываю Эмори под мышки. У меня будет время на размышления о природе имен и прозвищ, когда гость окажется на крыше.

Возвращаюсь домой усталый и злой как собака.
Ложиться спать в таком состоянии нельзя, решаю

заварить чай, заказать пиццу и устроиться перед сериалом. Тут же выясняется, что чай кончился, а пицца предлагает ждать себя два часа. С сериалом проблем нет, но он один меня не спасет. Одеваюсь и отправляюсь в «Перекрестки».

До кофейни всего пара кварталов, днем я предпочитаю проходить их пешком, но сейчас иду на парковку. Не люблю ночной город. Не боюсь, нет, не копу бояться своего участка. Не люблю, потому что хочется обшарить каждый темный переулок на предмет нарушений, а это плохо сочетается с отдыхом.

– О, Пол! Сто лет не виделась, как ты?

Бариста здесь никогда не меняется. Улыбаюсь Анне, смуглой, сильно татуированной женщине, уточняю:

– Можно?

– Конечно, что за вопрос!

Пробираюсь между стульями и цветочными горшками. Мое любимое место – в углу между барной стойкой и здоровенным кустом. Можно сказать, в засаде – я всех вижу, меня никто, Анна – разведчик и средство связи с миром. Убеждаюсь, что за время моего отсутствия чай не оскорбил местное меню. А вот что безкофеиновый кофе бывает трех видов, в том числе двойным мятным капучино, – что-то новое. Заказываю, но, видимо, лицо у меня унылое, Анна понимающе улыбается:

– Плохой день?

Киваю в ответ.

– Рассказывай, – говорит она, улыбаясь. – Ты же

поэтому пришел?

– Видела их когда-нибудь? – Выкладываю на стол три листовки.

Анна хмурится, касается первого из мальчишек.

– Видела... С ним, – достает портрет старика. Я мысленно пляшу джигу, но тут она уточняет: – Кто из них пропал, парень? Потому что его я уже года три не встречала, а вот Джон проходил сегодня днем. К мосту шел.

То есть утром у меня был хотя бы призрачный шанс найти старика в парке, а всю вторую половину дня я бегал исключительно для собственного удовольствия. Вдыхаю – отрицательный результат тоже результат.

– Парень, да. Не знаешь, как его зовут?

Анна качает головой, приглядывается к портрету Джерри:

– Этого не видела.

Ее отвлекают клиенты, и я просто сижу, наслаждаюсь фальшивым, но очень вкусным кофе, смотрю на разложенные на столе изображения. Что-то есть в этих двух мальчишках... Сходство какое-то? Да вроде нет, черты лица разные. Типаж? Тоже нет. Интуиция, чтоб ее. Что-то неуловимое, необъяснимое, неконкретное. Так что ориентироваться на нее я не стану. Если мальчишка просто решил куда-то перебраться с таким учителем, как старый Джон, я его хоть всю жизнь могу искать. Значит, завтра сосредоточусь на втором.

2 октября

Эмори приходит в себя, когда я только подъезжаю к дому, разобравшись с его машиной. Уже за полночь, так что приходится одновременно загонять драндулет в гараж, представляться новому гостю и смахивать уведомления о том, что Лекс с Винни начали тест и, судя по часто те упоминаний, ругают меня хором.

Я стою внизу, когда Эмори, выслушав инструкции, задумчиво проводит большим пальцем по губам. Спрашивает:

– В чем секрет?

– Прыгай и узнаешь, – улыбаюсь.

В лунном свете вижу, как он опускается на колени, заглядывая за край, ложится на живот, вытягивает руку вниз. Досетки далеко, так просто не дотянуться и тем более не увидеть в темноте. Эмори размышляет. Садится, спускает ноги, собираясь повторить подвиг Элли.

– Прыгай, а не слезай, – подпускаю в голос угрозы.

– Или что? – уточняет он.

– Или будешь наказан.

– Да, я понял, – отвечает этот потрясающий человек. – Как именно?

– Тебе не понравится, – усмехаюсь, – обещаю.

Эмори кивает, спрашивает:

– А что дальше? Если я не умру, то, вероятно, не долечу до

низа. Даже если там стоит батут, с такой высоты может прыгнуть и не разбиться только профессиональный каскадер.

Об этом спрашивала Бет, сразу, и Бемби, когда успокоилась. Отвечаю так же, как им:

– Нет смысла говорить о пути с тем, кто не решается на него стать.

– Ладно, – так же спокойно отзывается Эмори и соскальзывает вниз. Падает на сетку, приподнимается, опираясь на ладони. – А, вот в чем дело.

Ни о чем не спрашивает, просто осторожно встает, осматривается. В отличие от остальных, сразу бежавших к стене дома, идет к краю, карабкается вверх. Прослеживает толстую проволоку края, тянущиеся к стене ребра и тросы. Комментирует безразлично:

– Интересно. А днем страховки не видно?

– Когда видно, я не привожу гостей.

Он вызывает уважение тем, как держит себя в руках. С ним хочется расшаркиваться – или сломать, заставить показать свое истинное лицо, эмоции, так хорошо спрятанные под бесстрастной маской. Инструктирую:

– Доберись до стены, найди и открой окно.

Эмори не спеша добирается до ровной поверхности, встает тут же. Кончики пальцев покалывает от желания разрушить столь тщательно выстроенный образ, вместо этого ныряю в дом, спускаюсь к себе. Тесты и личность его пары быстро вскроют броню.

Слежу, как Эмори справляется с окном, даже не кувыркнувшись в него, как остальные. Слезает осторожно, оглядывается на пустом этаже.

– Что дальше?

– Дальше тебе придется подождать до следующей грозы. Недолго, – сверяюсь с погодным виджетом, – пару дней.

Эмори кивает медленно, подходит к книжному шкафу. Выдергивает один том, садится на диван. Движения резкие, почти нервные. Вряд ли он на самом деле выбрал чтиво на ночь. Наконец понял, что оказался в плену? Или думает о той, за кем привык следить каждый день?

Эмори подтверждает мои подозрения, требуя сварливо:

– Газеты хоть предоставь для односторонней связи с внешним миром. Я уж не прошу о выходе в интернет.

Забавно. Тебе ведь нужны только имена в конце статей, найти одну конкретную журналистку. Но ты в этом не признаешься, верно?

– Не бойся, тебе недолго осталось беспокоиться.

Эмори правильно понимает намек. Реагирует нетипично резко – вскидывается, сжимая кулаки. Рычит:

– Только посмей ее тронуть! Убью. Медленно.

Однако в глазах вместо злости плещется страх. Хмыкаю, удивленный не угрозой, а тем, как легко лопнула его сдержанность, стоило намекнуть на будущую напарницу. Эмори, поникший после вспышки, отворачивается, спокойный и несчастный одновременно. Советую негромко:

– Не бойся того, что не можешь изменить.

Он только закрывает лицо руками. Легко сказать «не бойся», перестать бояться намного сложнее. Тем более когда дело касается важных для тебя людей. Однако голос звучит ровно:

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Того, что ты ее любишь? – улыбаюсь. – Это так незаметно.

– Она моя сестра, – с каменным выражением парирует Эмори. – Конечно, я ее люблю.

Фыркаю, не отвечая. Твоя лож очевидна, но ты до сих пор веришь, что она может тебя защитить. Вас обоих. Ты никогда не задумывался, как выглядит твоя слежка за Эрикой? Отнюдь не как братская любовь. Твои табу оказались недостаточно крепки, и чувство родилось, но ты не даешь ему шансов – во всяком случае, так тебе кажется. А приехать за любимой кузиной в другой штат, конечно, просто милая слабость.

Вы ведь уже не справились со своим чувством. Так зачем тянуть с объяснениями?

А зачем тяну я? Разве нельзя прийти, постучать в дверь, сказать: «Привет, это я»? Нельзя. Мне не к кому приходить.

Добравшись до подвала, я едва удерживаюсь, чтобы не упасть на кровать как есть, не снимая мокрой одежды. Сил раздеваться нет, желания перестилать потом белье – тем более, так что приходится падать на пол.

Раскидываю руки, глядя в бетонный потолок. Мышцы ноют пока слабо, но через пару часов они сообщат мне все, что думают о контрасте между днями перед экраном и сегодняшней беготней. А я ведь до сих пор не проверил, что происходит в доме. Миротворец, ты вообще представлял, насколько это будет сложно?

Хотя о чем я. Ты – идея, ты не умеешь уставать. Если бы в этом теле был только ты, некому было бы замечать, как оно болит.

С трудом сажусь. Раз в голову лезет такая чушь, следует узнать о том, что происходит в боксе. Я ведь не позволю Элли легко пройти тест, правда? Один день голодовки – слишком малая плата за предательство.

Оказывается, однако, что Элли в боксе очутится не скоро – нынешняя пара только подбирается к первой горке. На лице Лекс – усталость и раздражение, она делится:

– Я сюда уже в пятый раз лезу. Достало, ты бы знал как! Аж дырки на ноге зудеть начинают.

Сонный Винни смотрит с вялым интересом, напарница поясняет:

– Мы сюда в прошлый раз зашли после того, как разбили дрона. Сейчас подъем плавный и ловушки паром стреляют, а тогда была отвесная стена и лезвия. Мне сначала ногу продырявило, потом руку. Хорошо, что эта пакость действительно острая, раны заживают быстро.

Винни словно просыпается с каждым словом, собирает-

ся. Сглатывает, новыми глазами глядя на препятствие, представляя, насколько сложным оно может быть. Лекс хватается за первый выступ, оглядывается:

– Полезли?

Он присоединяется к ней, но я вижу, как липнут рыжие волосы ко лбу, как мелко дрожат руки. Конечно, бокс подстраивается под подготовку гостей, однако на ломку он не рассчитан.

Эта пара быстро учится, они уже не пытаются взяться за руки. Улыбаюсь, заметив, как взамен пользуются цепью – дергают за нее, хватаются, словно за чужую ладонь. Поддерживают друг друга.

Задумчиво смотрю на настройки сложности. Упростить? Они хорошо идут, следуя правилу о доверии, они должны пройти. Сами, честно. Я не стану облегчать им жизнь только потому, что у Винни кончились наркотики. Это может стоить мне сна. Но что с того?

В боксе добрались до вершины и сели отдыхать, никуда не спеша. Хорошо для них, плохо для меня. Кладу голову на руки. Оповещение разбудит, когда я понадобится.

Утро прекрасно, когда узнал, что кофе без кофеина может быть хорошим. Купил в «Перекрестках» все три сорта. Решаю попробовать арабику, завариваю во френч-прессе, как советовала Анна, и остаюсь приятно удивлен. В итоге в участок приезжаю не только в отличном настроении, но и почти вовремя, а не как

обычно. Винс пересылает целую пачку сообщений, пришедших лично ей или сообществу полиции, но разобрать это богатство я не успеваю, – Джемма вызывает на ковер.

– Расскажи про второго парня, – требует.

Рассказываю все, что могу, мысленно прощаясь с расследованием. Обычно капитан оставляет меня наедине с работой хотя бы на пару недель. Если она хочет, чтобы ее ввели в курс дела, значит, дело могут забрать. Причем скорее даже не у меня, а у нас. Терпеть не могу все эти отношения между полицией, прокуратурой и ФБР. Спасает меня от начальства Шон, попросту заглядывая в кабинет. Удобно носить маску старательного балбеса.

Наконец-то можно приступить к работе. На сегодня запланирован объезд точек, где видели мальчишек, с упором на второго из них. Начинаем с окраин, где сейчас проехать попроще, добираемся на восток в Монтроз. Тут пропавшего вроде бы видели в магазине. Что ж, возьмем видеозаписи, посмотрим заданный день и время, или найдем нашего парня, или нет. Вот когда начнем проверять очередной парк, искать станет намного сложнее.

Под ухом вибрирует оповещение, я с трудом разлепляю глаза, смотрю на телефон с осуждением. Тот, словно устыдившись, замолкает. Ну конечно, я же забыл поставить его на зарядку. Хорошо, что не отключился раньше. Сообщение продублировано на планшет, Элиша Бренниган и Элвин Гар-

рисунок прошли тест. Сколько они там провели, всю ночь?

К сожалению, не всю. Щека чешется, по ощущениям, на ней отпечатался рукав пальто, послужившего мне одеялом. Вчера мне пришлось немало побегать под дождем, так что одежда промокла до нитки и до сих пор не высохла. Я стремительно замерзаю. Скидываю все, заворачиваюсь в халат на голое тело. Дрожь только усиливается, чувствую себя на редкость мерзко, даже пошатывает от слабости. Что я буду делать, если заболēju? Глупый вопрос. У Миротворца не бывает выходных и больничных. Ни жаропонижающего, ни даже градусника у меня нет, аптечку для себя я не собирал – представить не мог, что понадобится. У гостей наверху есть запас лекарств, но небольшой и точно рассчитанный, не стоит его уменьшать.

Изучаю карту на предмет круглосуточных аптек, отчаянно зевая. Ближайшая, открытая в это время, в полчаса езды. Больше всего мне хочется лечь, накрыть голову подушкой и не подниматься хотя бы пару часов. Но ждать до утра глупо, к тому моменту может оказаться, что я даже в качестве Миротворца не могу не то что водить машину, а просто выбраться из подвала. Встряхиваюсь, голова отзывается болью. Одеваюсь в сухое, закидываю на плечо тощий рюкзак. На планшете всего три процента. Беру с собой телефон, лелея надежду зарядить его от прикуривателя. Отпираю люк, двери, ворота. Вывожу драндулет, запираю все, что только что открывал. Сначала это было смешно, такая воплощенная

паранойя. Потом бесило. Теперь стало привычным.

Небо медленно светлеет, вырастают по краям дороги высокие заборы, скрывающие роскошные особняки. Раньше я шурился каждый раз, зло думал: «А вы знаете, что такое доверие? Сколькие из вас вспомнят мой голос, услышав его из динамиков? Сколькие поймут и что они будут делать после этого?» Приятно было представлять, как люди, которых я в последний раз видел в суде, будут униженно молить меня о пощаде. Потом я перестал мечтать. Эдриан достучался до Миротворца и объяснил, что так мы окажемся за решеткой быстрее, чем успеем подобрать первую пару. Так что, пока за окнами мелькают разноцветные заборы, я смотрю только на дорогу.

Включившийся телефон заливается звоном: «Пицца для десятого этажа». С трудом удерживаюсь, чтобы не уткнуться лбом в руки на руле. Почему именно сейчас, когда я в дороге? Ладно, неважно, Эмори проживет без завтрака полчаса. Тянусь отключить будильник, обнаруживаю еще одно уведомление, разворачиваю: Эджернон Литтл и Элли Майлз вошли в третий бокс. Десять. Чертовых. Минут. Назад!

Злость на себя такая, что хочется вцепиться зубами в запястье. Дурак, идиот, ты все пропустил, забыл, не заметил! Какой ты, к чертовой матери, Миротворец, если даже проследить за тем, чтобы техника была включена в нужный момент, не можешь? Ты позволяешь им ломать свой дом, бережешь их так, что готов тест прервать, наказание смягчить!

Разве Миротворец стал бы делать это? Разве Миротворец похож на тебя? И разве ты не хочешь наконец стать им? Таким, какой была девушка, оставшаяся лишь отблеском в глазах Элли.

Ведь кровь будет не на твоих руках. Это будут руки Миротворца. Даже не так, это будут их собственные руки. Гости нарушают правила, значит, это их вина. Повышаю сложность, теперь она соответствует Элли, а не ее слабосильному напарнику. Втыкаю наушники. Ее голос лучше любой музыки:

– Ого-го! Вот теперь здесь действительно весело. Раз, два, три... Нет, стой! Не нравится мне эта хрень, давай еще посчитаем. Раз, два... Ага, видишь! Вот, теперь!

На маленьком экране телефона они перескакивают через поднимающиеся из пола шипы легко, словно на детской площадке. Хохочут, кубарем прокатываясь под следующей ловушкой. На мои губы невольно прокрадывается чужая бесшабашная улыбка, мурашки бегут по рукам, словно это я стою там, в боксе. Рядом с ней.

Почему ты все время смеешься, Элли? Почему на экране, где вас двое, я вижу только тебя? Встряхиваюсь, решительно отворачиваюсь. Ты фальшивка, знаешь? Рисуешь на маске чужие лица, подстраиваясь под любого, становясь идеальной половиной, как пластилин принимает форму прижатого к нему пальца. Может, и со мной ты была фальшивкой? Может, и мне улыбалась эта дурацкая милая маска, а не та пре-

красная сила, которой я восхищался? Но мне было хорошо с тобой.

Ненавижу себя за сомнения. Ненавижу тебя не только за это.

Паркуюсь между аптекой и незнакомым магазином, заталкиваю телефон в карман. С лекарствами разбираюсь сразу, соображаю, что еще может пригодиться, кроме термометра и жаропонижающего. Еда? Я брал запас, но все-таки решаю заглянуть в продуктовый. Пицца и газировка – основные пункты списка. Еще яблок прихватить, дешевых, я их сто лет не ел. И яйца можно взять, они быстрее всего заканчиваются. Верчу в руках упаковку, а в наушниках перешучиваются.

– Фига себе тестики, – выдыхает, пытаюсь отдышаться, Эл. – Тут ведь и помереть можно.

– Ага, – радостно соглашается Элли, – легко! Но мы не умрем.

Он хмыкает. Я бы тоже не был так уверен, Элли.

Хотя кому я вру? Они преодолели первую горку быстрее всех, без единой царапины, и уже на вершине второй. Значит, пройдут. Задачки на силу и выносливость ей на один зуб, чтобы поставить сложную задачу перед спортсменом, надо быть спортсменом. Она хоть понимает, что это наказание, а не развлечение?

А включил ли я для них максимальную сложность или снова остановил свою руку? Прячусь между полками пустого в ранний час магазина, достаю телефон. Музыка, играющая

возле кассы, заглушит мой голос для продавца, но не для гостей, – удобно.

– Этот тест будет твоим наказанием, Элли, – говорю негромко.

– Да у меня работа сложнее твоего наказания! – бесшабашно заявляет она. – И вообще мы уже посидели голодными наверху, хорош обижаться!

Обижаться? Злость вспыхивает порохом.

– Ты считаешь, что неприкосновенна? Думаешь, я не смогу всерьез наказать тебя? Или других, так, чтобы ты навсегда...

– Эй, давай без этого! – перебивает меня Элли. – Подушку попинай, если бесишься. Никто не обещал следовать твоим правилам, и вообще ты – маньяк! Я действую в рамках самообороны!

– Мы не в Техасе, Элли. – Какая-то часть меня пугается собственного холодного смеха. – Судит тебя не полиция. Здесь и сейчас – подчинись!

– Или что, убьешь меня? – Она стоит перед камерой, словно десантник, ноги на ширине плеч, руки скрещены на груди. – Наплюешь на собственный треп про доверие? Что, я была права с самого начала? Ты просто хочешь, чтобы мы слушались! Не наигрался в куколки, Дождь?

– Я просил тебя не говорить им!

Голос срывается, я не контролирую себя, ярость плещет через край. Элли еще успевает наигранно вскинуть брови:

– Просил? Скажи лучше...

Но я уже переключаю сложность теста на максимальную. Огонь вспыхивает за их спинами, шаг вперед неизбежен. Шаг в пустоту.

Дрожь пробегает по рукам, сжимаю телефон до боли в пальцах. Она лежит у подножия второй горки, судорожно вцепившись в колено, взгляд расфокусированный. Эл, чудом ухватившийся за выступ, срывается следом, но вскакивает сразу.

– Эй, Элли...

Касается ее головы, на ладони остается кровь.

Мысль – как сигнальная ракета в темном небе. Что я натворил?

На выход... нет, сначала к кассе. Сделай нормальное лицо, соберись!

В боксе неясные звуки, бормотание Эла. Выдергиваю затычки – все равно без картинки ничего не понять. Запикиваю покупки в рюкзак, бегу к машине, швыряю на заднее сиденье, яблоки рассыпаются по всему салону. Телефон едва не выпадает из рук. Успеваю вовремя, чтобы услышать тихий голос Элли:

– Ага. Живая.

Выдыхаю одновременно с Элом, тут же одергиваю себя – рано радуешься! Что с ней? Вывих? Перелом? Если она разбила коленную чашечку, не гипс понадобится, а больница. Без вариантов.

Костыли. Здесь их не купить, но можно найти «Медтехнику». И на всякий случай коляску. Чтобы не пригодилась. Гугл подсказывает ближайшую точку, давлю на газ. Чертыхнувшись, наклоняюсь, достаю из-под педали яблоко. Эл дрожащим голосом рассказывает Элли, что все будет в порядке, она заторможенно отвечает.

– О, теперь верю. Я тебя вижу.

Обгоняю фуру. Несусь на грани нарушения правил, перед «Медтехникой» торможу юзом. Продавщица успокаивающе улыбается в ответ на требование костылей и коляски:

– Не переживайте, с вашей девушкой все будет в порядке.

– С сестрой, – автоматически поправляю я.

Телефон в кармане, в одном наушнике Элли возмущается, что ей нельзя вставать.

– Я полжизни провел рядом с врачом, – убеждает ее Эл. –

При подозрении на сотрясение мозга надо лежать. Долго.

– Три часа, – говорю в микрофон.

Когда нормальная дорога сходит на нет вместе с камерами, хочется прибавить скорость, но щебень и так летит во все стороны. Драндулет рискует развалиться на полпути.

– Слушай, Миротворец, – задумчиво обращается ко мне

Эл. – Можно, я ее на руках вытащу?

– Нельзя, – огрызаюсь. Тоже мне нашелся рыцарь. Бет эта-

жом ниже, ее на руках носи. – Правила одинаковы для всех.

– Ты сделаешь исключение для нас, и я не исключу из твоего списка техники эту камеру, – спокойно предлагает он.

Скриплю зубами. Мальчишка стал в десять раз храбрей. Это не твоя пара, дурак! Ты отдал сестру полицейской, а теперь говоришь так, словно всегда мечтал проходить боксы с Элли.

– Пытаешься угрожать мне?

– А что, плохо получается?

Элли тихо хихикает, ойкает, просит:

– Не смешите меня, больно же.

Усилием воли заставляю себя не давить на газ. Ненавижу все и всех – Эла, оказавшегося с ней в боксе, Эмори, из-за которого я уехал, аптеки, которые не строят в трущобах, сами трущобы...

Что-то оказывается прямо перед машиной. Я вдавливаю тормоз, телефон слетает с колен, скачут по полу яблоки. Отлепляю грудную клетку от руля, приподнимаюсь, заглядывая за капот. Выпрыгнувший на дорогу котенок сидит прямо перед решеткой моего драндулета, смотрит на меня. Кажется, даже не испугался. Сигналю. Котенок топорщит черные уши и не думает убегать. Потом и вовсе плюхается на задницу и начинает вылизываться. Да твою же мать. Выпрыгиваю, сгребая животное в охапку, собираясь швырнуть обратно в кусты, но юркая тварь, орудуя полным набором когтей, взлетает по рукаву мне на плечо. Похоже, он считает, что я с ним играю.

Плюнув на попытки поймать прыгающего по мне котенка, сажусь обратно в машину. В динамиках телефона ругается

Элли:

– Дождик, не будь сволочью, а то у тебя тут камер не останется!

– Я крайне не советую угрожать мне, Элли. Тебе не понравятся последствия, – холодно отзываюсь, нашаривая мобильник и втыкая обратно штекер наушников.

Срываюсь с места в облаке пыли. Котенок щекочет шею, настойчиво закапываясь куда-то за воротник, старый двигатель драндулета стонет, в боксе примолкли и теперь только невнятно шуршат. Осталось две минуты езды. Дома я смогу не только смотреть, одновременно вынимая из-под колес котят-самоубийц, но и влиять на события.

Прыгаю через три ступеньки в подвал, швыряю куртку на диван. Мяукает позабытый котенок, улетевший вместе с ней, я падаю в кресло, ноутбук просыпается, пока я, положив планшет на колени, разворачиваю окно. Выпрямляюсь. Одна бровь изгибается в гримасе Миротворца, его ледяной яростью покалывает пальцы.

– Вы считаете, что нарушать прямой запрет – хорошая идея?

Точные действия, вырастает из пола третья, никогда не используемая горка, не отвесная даже, с обратным наклоном. Эл, оказавшийся на вершине, пошатывается, Элли, обнимающая его за шею, вскрикивает:

– Сзади!

Но он уже потерял равновесие. Они летят вниз. Эл падает

на плечо, охает и отключается. Чип, впрочем, молчит, значит, состояние не критическое. Максимум сломал что-нибудь. Элли приземляется сверху, удачно, не на поврежденную ногу. Скатывается с Эла, щупает его пульс, зовет, хлопает по щекам.

– Никогда не нарушайте правила, – поучает Миротворец.

Удовлетворенно откидывается на спинку кресла. Его улыбка еще сияет на моем лице, его ярость и восторг затапливают меня, но где-то за ними уже хватается за голову Эдриан. У него в боксе застряла Элли, а единственный человек, который мог ее оттуда вытащить, ничем не поможет. Причем из-за моего же собственного упрямства!

Я ее ревную. Давно надо было это признать. Потому что она простила Элу предательство, потому что заставила меня выпустить добычу, покорно повисшую в когтях. Я ревную ее даже не как партнера, скорее, как ребенок родителя, решившего второй раз жениться, или как родитель – выходящего замуж ребенка. Глупо. Жадно. Безнадёжно.

Как мне доставать их оттуда? Самому? Тогда придется дожидаться, пока они оба потеряют сознание. Не будет ли слишком поздно?

Стой, Эдриан, не глупи. Им достаточно заснуть, тогда ты сможешь войти, вколоть обоим снотворное и вернуть на этаж.

На который? Вперед, к врачу? Если я их так просто пропущу, лично на руках вынесу, они совсем обнаглеют! Хвати-

ло и одного раза. Назад? А какой смысл, они же не пройдут бокс с такими травмами и без медицинской помощи.

Приходит уведомление, я минуту непонимающе смотрю на него. Наконец осознаю – вызов, десятый по счету. Эмори!

Вскакиваю, в глазах темнеет, приходится схватиться за спинку кресла. Так, стоп. Сначала мне надо помочь самому себе. Жаропонижающее, ударная доза противовирусного. Телефон остается дома, немного зарядившийся планшет занимает его место. Набор из пары снотворных, проверка операционной, плевать, что на улице едва-едва сгущаются тучи. Дрон кружит над домом журналистки, сообщает, что будущая гостя заперлась там несколько минут назад.

Встаю, потягиваясь и разминая шею. Моя порция записей просмотрена, мальчишек – ни одного, ни второго – не видать. Даже догадываюсь, кого приняли за пропавшего, – была на видео девушка с похожими чертами и такими же длинными светлыми волосами. Но вряд ли наш бездомный успел сменить пол за прошедшие месяцы.

Следующий на очереди Крейтон, вернее, тамошняя больница. Когда мы им звонили, в регистратуре сказали, что никого подходящего под описание нет. А вот медсестра миссис Роуз утверждает, что есть. Я склонен верить регистратуре, но съездить надо. Парень мог не лечиться у них, а зай ти узнать цены, или возможность вписаться в программу, или – мало ли – приходил к знакомому.

– Я ничего не нашел, сэр.

– Это нормально, парень. Главное – не пропустить тот единственный звонок, который правда даст наводку.

Навигатор пытается провести нас через центр, я только хмыкаю, уезжая в противоположную сторону. И ошибаюсь. Надо больше доверять технике: пробка тянется по шоссе насколько хватает глаз. Мы с Шоном переглядываемся.

– Давайте сначала в Бенсли? – предлагает он.

Я со вздохом разворачиваю машину. Чувствую, день будет долгим и скучным.

Уже в машине осознаю, что Эмори от меня, вероятно, чего-то хотел. Подключаю гарнитуру, бросив планшет на соседнее сиденье, одним взглядом оцениваю картинку. Костюм, несколько пострадавший вчера, аккуратно развешен на кресле, Эмори сидит на диване, укутавшись в плед, вежливо улыбается камере.

– Мне показалось, тебе будет небезынтересно узнать, на сколько пожизненных заключений тянут твои преступления, Миротворец. Если мы, конечно, предположим, что по какой-то причине судья не вынесет тебе смертный приговор. – Он выпутывает из складок руку, загибает пальцы. – Владение орудиями для совершения преступлений. Целый набор преступлений против личности – нападение, похищение, незаконное лишение свободы и преступное принуждение. Степень отягчающих обстоятельств я определяю, когда увижу, что дальше.

– Добавь еще побег из-под стражи, – советую ему, криво улыбаясь.

Эмори, который уже отчаялся получить ответ, заметно оживляется.

– В самом деле? Тогда, вероятно, все вышеперечисленное будет иметь дополнительноеотягчающее обстоятельство. Если, конечно, срок давности по прошлому преступлению не истек. Впрочем, вряд ли. Это ведь было не мелкое правонарушение?

– Не мелкое, – повторяю эхом. – Умышленное убийство двух лиц, покушение на убийство третьего. Десять лет назад.

Эмори задумчиво кивает, идеально ухоженный палец скользит по губе. Подцепляет сухой кусочек кожи, неожиданно сколупывает. Эмори рассеянно слизывает выступившую кровь, моргает. Снова кивает, откидывается на спинку дивана.

Не ожидал? Думал, я не так опасен. От этого почти смешно. Почти совсем не больно и не страшно.

Вызов с седьмого этажа: неудобные вопросы задает Бет.

– Где Эл и Элли?

Перед камерой толпятся все. Бледный Винни выглядит отрешенно, Лекс рядом с ним теребит подол футболки, скрестила руки на груди Бемби. Чувствуешь ли ты себя виноватой, полицейская? Ведь из-за тебя они разделились.

– В боксе, – отвечаю. Надеюсь, спокойно.

Осененный идеей, высматриваю, где можно припарко-

ваться, останавливаясь перед какой-то витриной. Настроить трансляцию с планшета та еще задачка, но у меня получается, телевизор за спинами делегации мигает, включаясь. Хрипят помехи, громовый шепот Эла заставляет всех обернуться.

– Все в порядке, – отважно врет он, обнимая Элли одной рукой.

Вторую неловко прижимает к груди, глаза красные. Элли выглядит не лучше, наполовину сползла на пол, отдавая подальше руку с браслетом, бледная, осунувшаяся за десять минут сильнее, чем за сутки голодовки. Громко шуршит одежда.

Первой отмирает Бемби, подходит к дивану, берет пульт, прикручивает звук до человеческого. Тут же начинают помогать все.

Яростно и беспомощно матерится Лекс, тянется к ней Винни, обнимаются, ругаясь теперь хором. Сверлит меня – камеру – тяжелым взглядом Бемби.

– Мы можем им помочь? – спрашивает Бет, не отрываясь от экрана.

– Нет, – отзываюсь я. – Вы не вернетесь назад. Им могут помочь только те, кто будет идти сверху.

– Там есть кому идти? – Она смотрит на меня с надеждой. Хмыкаю, отключаюсь. Сейчас будет.

Добраться до дома, где Эрика снимает квартиру, несложно. Смотрю на него из своего драндулета, считаю этажи. Я

точно знаю нужные окна, а вот внутреннее устройство – нет. Внизу дверь с домофоном, но ее кто-то, удачно для меня, подпер камнем, не позволяя закрыться. Если там сидит консьерж, будет сложнее. Если камеры...

В наушниках шипит Элли, пытаюсь выпрямить поврежденную ногу.

«Плевать на камеры», – думает Эдриан. Он хочет взбежать по ступенькам, постучать в нужную дверь, вырубить гостью и увезти.

«Стоп, – думает Миротворец. – У меня есть дрон, он может все проверить. К тому же, если у Эрики на двери цепочка, я не вытащу ее наружу, даже если смогу усыпить».

Балкон? Пожарная лестница? Оглядываю дом, но не вижу ничего, кроме огромных окон. А они для меня... вовсе не бесполезны. Запускаю управление дроном, сначала направляю к двери. Везет, внутри ни консьержа, ни камер. Не сразу понимаю, почему тяжело ориентироваться, потом осознаю – темнеет, тучи сгустились. А окна, наоборот, светятся. Выбираюсь обратно, разгоняюсь посильней, беру курс на нужный прямоугольник желтого света.

Звон разбитого стекла, удивленный вскрик. Бегу к подъезду и дальше наверх, на нужный этаж. Звоню. Взъерошенная темноволосая девушка открывает дверь, спрашивает:

– Ваша игрушка? – Пропускает меня в квартиру. – Заберите.

– Спасибо, – говорю, делая извиняющееся лицо и шагая

внутри. – Так неловко получилось, я возьму...

В таких случаях всегда играет Эдриан, проживает нужную роль. Миротворец бы улыбнулся и уточнил: «Две игрушки». То, как он воспринимает гостей, пугает меня.

Эрика расслабляется, ведь ситуация, хоть и неприятная, выглядит нормальной. И в этот момент я нападаю. К ее чести, она пытается оттолкнуть меня, но я успеваю прижать платок к ее лицу. Отворачиваюсь, чтобы не надышаться самому, охаю, когда меня чувствительно бьют по ребрам. Еще один удар, уже слабей. И голова кружится – хорошее у меня снотворное. Дальше все стандартно: уложить на пол, достать шприц, усыпить на ближайшие несколько часов. Ребра болят, хорошо она меня приложила.

Пытаюсь отправить дрона проверить лестницу, но бедняга слишком пострадал от столкновения со стеклом, даже взлететь не может. Значит, под мышку дрона, нельзя бросать такую улику, руку Эрики – на плечо.

Усаживаю гостью на заднее сиденье. Класть человека в багажник посреди улицы, пусть даже пустой, – это все-таки слишком. Дома, судя по звукам в наушниках, ничего критического не происходит, разве что седьмой этаж попробует пробраться наверх. Впрочем, найти проход сложнее, чем одноклеточный корабль в морском бое. Проверяю на всякий случай, что делает Эмори, тот свернулся на диване калачиком, уронив книгу на пол. Волосы взъерошены, плед сбился в ноги, открыв сухощавое тело. Он дергает рукой, словно

кот, которому снится мышь.

Кстати о котах. Паркуюсь возле первого попавшегося зоомагазина.

– Корм для котят, туалет, наполнитель... Что там еще им нужно?

Продавец советует таблетки от глистов, витамины и телефон ветеринара. Беру не споря.

В пробку попадаю, пытаюсь свернуть на трассу в Бленси. Рядом ползет полицейская машина, вежливо не включая мигалку, старик за рулем говорит по телефону, прижимая трубку плечом, – интересно, он вообще слышал о наушниках? Рядом с ним скучает лысый темнокожий парень, грызет костяшку пальца, глядя в пустоту.

Одинаково серые машины лениво едут по шоссе, тихо мурлыкает радио, а я дергаюсь от каждого звука. Взгляд норовит соскочить то на часы, то на крайне неудачных соседей. К счастью, затор рассасывается на ближайшем перекрестке, старая полицейская машина с таким же старым водителем проезжают мимо. Мне с ними не по пути.

Только оставив Эрику на крыше и спускаясь в подвал, осознаю, насколько вымотался. В очередной раз звонит будильник, напоминающий про пиццу, я всю дорогу переносил звонок. Теперь отключаю, достаю из морозилки коробку. Эта еще хуже прошлых: начинки меньше, квадратики ветчины вызывают отвращение даже в замороженном виде. Что ж, тем быстрее Эмори и Эрика пройдут вниз.

Котенка нигде не видно, но я распаковываю туалет и миски, наливаю воду, сыплю корм. Замечаю любопытный блеск глаз под столом, похоже, мелюзга решила поиграть в партизана. Впрочем, ему все равно придется дружить с моими ногами.

Сажусь перед ноутбуком, котенок щекотно обнюхивает пальцы. Обитатели седьмого частично прилипли к телевизору, частично, наоборот, усиленно пытаются от него отвлечься. Вспыхивают и затихают споры о громкости звука: Винни предпочел бы его вообще выключить, Бемби требует сделать погромче, чтобы слышать из любой точки комнаты.

Споры гасит Бет, просто глядя на каждого, кто хочет прикрутить звук. Лекс, схватившаяся за пульт, сталкивается со взглядом соседки и отступает. Взмахивает руками:

– Мы все равно не можем им помочь!

– Я знаю. Но я хочу видеть, что с ними.

Вдруг слабо улыбается, тянется вверх, шепчет что-то Лекс на ухо. Та широко открывает глаза, кивает, прикрывая ладонью губы. Отходит, насвистывая, начинает что-то готовить. Винни провожает ее взглядом, но спросить не решается.

Любопытно. Впрочем, я и так догадываюсь, что задумала Бет: если ситуация станет критической, она повторит подвиг Лекс. И получит дурацкую цепочку наказаний, когда одно тянет за собой другое.

Вздыхаю – многострадальные ребра отзываются вспышкой боли. Мажу наливающиеся фиолетовым пятна, от слабо-

сти кружится голова. А ведь еще совсем ранний вечер, и надо следить за гостями. Эрика скоро проснется, и мало ли что придумают оставшиеся в боксе. Но мне нужно выздороветь быстрее, и вряд ли это удастся, если я попытаюсь перенести болезнь на ногах. Придется лечь хотя бы ненадолго. Пижама, телефон оставить рядом с подушкой, планшет – на тумбочку. Падаю в кровать. Встаю, ставлю технику на зарядку. Вот теперь наконец-то падаю.

Самой интересной находкой становится прокат велосипедов, приютившийся между автозаправкой и парковкой. Камера в магазинчике одна-единственная, разрывающаяся между дверями и кассой. И именно эта маленькая трудяга дарит нам главную находку дня.

– Сэр, посмотрите сюда.

Шон тянет меня за рукав, поставив запись на паузу. Всмотриваюсь в немного смазанную фигуру, думаю. Мало ли темноволосых худых парней в городе, но держится он больно настороженно. Майка на нем слишком большая и потрепанная, точно совпадает по приметам с той, что описал охранник, – он же ее мальчишке и дал. Зову продавца.

– Ага, а я что говорил, – радуется парень, разве что в ладоши не хлопает. – Я сразу понял, что это он, когда мне мать картинку показала! – Откашливается, делая обеспокоенное лицо. Вспомнил, видимо, что под картинкой было написано «пропавший человек».

– Расскажите, пожалуйста, еще раз, почему вы запомнили Джерри?

Строчу в блокноте – парень изредка брал велосипед, возвращал вовремя. Иногда расплачивался с продавцом работой.

– Руки у него откуда надо росли... то есть растут. Он мне с техобслуживанием помогал, особенно весной, когда надо весь парк перебрать.

– А хозяин магазина знал про помощь? – уточняю, почти уверенный в ответе.

Парень потирает затылок неуверенно, признается:

– Нет, наверное. То есть я как-то не спрашивал, да и вообще, когда я начал здесь работать, Джерри к нам уже ходил, нас мой напарник познакомил. Можно сказать, Джерри тут дольше меня работает.

Слушаю рассказ, внезапно ставший сбивчивым, внимательно смотрю на продавца. Тот смущается окончательно, замолкает. Говорю доверительно:

– По-моему, у вас с Джерри еще что-то было. Неприятность?

– Типа того, – кивает парень. – Он в последний раз велик не вернул. То есть вернул, но не сам. То есть...

– Давайте по порядку. Когда вы в последний раз видели пропавшего?

Видел он Джерри в середине сентября, точную дату не помнит. Парень помог с одной старой машиной, взял велосипед, обещал вернуть через пару дней.

– И не вернул? – спрашивает Шон.

Бросаю на него предупреждающий взгляд. Продавец снова трет затылок, вздыхает, говорит рассудительно:

– Ну смотрите, тот велик у нас. Его мой сменщик

около двери нашел, двадцать третьего, что ли. То есть примерно, когда нужно. У нас так иногда делают, если никого на месте нет, а колеса вернуть надо. Пристегиваешь к ограде, ключ под дверь, и все. Но Джерри так ни разу не поступал.

– Что-то еще было странным, да?

– Ага. У него заднее колесо помято было. Чуть-чуть. И спица одна сломана. Может, это не из-за Джерри случилось, а раньше, просто заметили поздно.

Погнутое колесо. Брошенный велосипед. И, как назло, на всей улице ни одной камеры! Версий целый вагон, жаль только, немногие предполагают счастливый исход. Мог мальчишка сам так странно вернуть велосипед? Мог. Заметил погнутое колесо и испугался, не захотел объясняться. Но мог вернуть и кто-то другой.

– На велосипед можно посмотреть?

Невысокий, явно старенький, потертый. Понятно, что отпечатков на нем не осталось. Фотографирую нашу невеликую улику со всех ракурсов: колесо заменено, старое пошло в металлолом. Ладно, все не просто, но теперь у нас есть фотография Джерри. А это уже очень большое «кое-что».

3 октября

Просыпаюсь медленно, будто поднимаюсь из-под воды. Сил слишком мало, чтобы испугаться. Кажется, уже утро – иначе почему я проснулся сам и не чувствую себя разбитым, как обычно? Шарю под подушкой, не находя телефон. Сколько времени, почему меня никто не разбудил?

Планшет на тумбочке, к счастью, никуда не исчез, показывает час ночи и ноль оповещений. Минус один повод для беспокойства. Все-таки проверяю седьмой этаж. В комнате отдыха пьют чай, Лекс и Винни – на полу за спинкой дивана, обнявшись и читая одну книгу на двоих, Бемби и Бет – прилипнув к телевизору. В боксе Элли дремлет, свернувшись калачиком, крепко вцепилась в здоровую руку Эла. Их же должно бить током! Пусть не сильно, я сделал наручники достаточно милосердными, но все же. Как они умудряются так спать?

Эл, впрочем, и не спит. Смотрит в потолок, хмурясь, локоть крепко прижат к боку, пальцы перебирают нитку бус на шее.

Как давно ты так лежишь? Эхом думается – теперь гости спят так же плохо, как я. Удивляюсь этой мысли. Возвращаюсь к поиску телефона. Куда я его запихнул?

Перетряхиваю одеяло, заглядываю под кровать, ищу в карманах, на столе, в ванной и на кухне. Замечаю неряшли-

во свесившийся угол обычно аккуратно заправленной простыни. Ага. То есть я умудрился, не просыпаясь, запихнуть телефон под матрас, чтобы он меня не разбудил. Но тогда какое-то оповещение было, просто я его смахнул? Надо пересмотреть запись, понять, что пропустил.

Только ключевое слово, даже не обращение, а упоминание. Лекс рассказывала, как они с Бемби пережили бокс-наказание, полицейской пришлось присоединиться в конце. А еще – сколько раз они пытались пройти второй бокс. И как Лекс сидела с Винни целый день. Все сводится к тому, что «он не убивает, мы же здесь». Бет улыбается едва заметно.

– Да, я думала об этом.

Звук из бокса, я поспешно переключаюсь. Похоже, Элли перевернулась на другой бок и проснулась от боли. Закатать штанину она не может, но даже через ткань видно, как напухло колено.

Эл оборачивается, спрашивает:

– Ты как?

– Паршиво, но сойдет, – со смешком отзывается Элли. – А ты?

Он оттягивает горловину майки, присвистывает. На плече огромный опухший синяк.

Гугл подсказывает, что перелом ключицы заживает два месяца. Прикидываю, получится ли пройти тесты в гипсе, и с удивлением понимаю, что это возможно. Тяжело, конечно, кое-что надо подогнать, но реально. Однако сначала нужно

достать оттуда. Оба уже прикусывают щеки, надеясь притупить жажду слюной, а ведь есть еще голод. Продержатся ли? Как быстро пара наверху сможет дойти до седьмого?

Стоп. Проверяю противопожарную систему – удачно, до ближайшего венчика нужно проползти меньше метра. Осталось суметь включить его, не затопив весь бокс.

– Опа! – Элли первая замечает тонкую струйку. – Дождь решил включить нам дождь.

Ползти им сложнее, чем ковылять, Эл здоровой рукой держит Элли за талию, она, попробовав наступить на большую ногу, взвыла.

– Не, – смеется, отдышавшись, – лучше я допрыгаю.

Они делят струйку, ловят ее ртами, помогают друг другу устоять на ногах. Первым напивается Эл, смотрит в камеру долгим взглядом.

Не хочу его слушать. Не хочу, но должен. Миротворец я или кто?

Впрочем, Эл обращается не ко мне. Поворачивается к Элли, фыркает:

– Не буду его благодарить.

– Да и не за что. – Она пожимает плечами, подставив под холодную воду ногу и жмурясь. – Сам создал проблему, сам теперь ее решает.

Ах вот как?

Когда текущий с потолка ручеек обрывается, Элли только улыбается:

– Ой, какой обидчивый! А скажешь, не так? Тебе от нас прохождение тестов нужно или что?

– Спасибо, Дождь.

Я не отключал трансляцию из комнаты отдыха, и седьмой этаж говорит со мной голосом Бет.

Боишься за брата, доктор? Боишься за Элли? Правильно делаешь. Я держу себя как в тисках, не позволяя прорваться клокочущей в горле ярости. Я ведь правда не хочу их убивать. Но нарываюются они слишком старательно. Предупреждаю:

– Ты права в одном, Элли, тебе ничего не грозит. Я никогда не убью тебя. Но это не касается остальных. – Она пытается перебить, я повышаю голос, договаривая: – Поэтому не выводи меня из себя, если не хочешь оказаться прикованной к трупу.

Захлопываю ноутбук, не рискуя слушать, что она ответит. Нужно лечь и поспать еще. Будет куда полезней, чем бодрствовать всю ночь, а днем оказаться вымотанным и снова принимать из-за этого неверные решения. Не могу. Сна ни в одном глазу.

Что-то впивается в ногу, я подскакиваю от неожиданности. Черно-белый пушистый комок, пискнув, повисает на штанине. Котенок. Точно, я же подобрал его одновременно с Эрикой. Оглядываюсь, вода еще осталась, а вот корма ни крошки. Аккуратно отцепляю котенка от одежды, он крутится у ног, трется и мурчит, как старый блок питания. Сует

морду в миску раньше, чем я успеваю насыпать корм, получает коричневыми сухариками по макушке, но не расстраивается, тут же начинает ими хрустеть. Запах кажется потрясающе вкусным, рот наполняется слюной. Понимаю – я же не ел, как минимум, со вчерашнего дня.

Приходит оповещение, вместо голосов – сухой отчет микрочипа. Ухудшение состояния Элли, ситуация еще не критическая, но «рекомендовано медицинское вмешательство». Сажусь, прижав сплетенные пальцы к губам, в голове какие-то ошметки вместо внятных мыслей. Котенок запрыгивает на колени, топчется, усердно вонзая коготки в плотную ткань, я рассеянно чешу его за ухом.

На самом деле у меня два варианта действий, если ситуация станет критической. Во-первых, открыть дверь между боксом и седьмым этажом, во-вторых, пойти и забрать Элли самому. Отнести ее наверх, дать воду и еду, вправить ногу. Зря я, что ли, анатомию штудировал.

И в любом случае то, что я тут не ем, ничем им не поможет. Отрываюсь от показателей Элли, едва не за шкуру тащу себя на кухню. Под ногами пискляво мяукает котенок, я сажаю его на стол, и мелюзга тут же принимается исследовать новую территорию, задрав хвост локатором. Спрыгивает на пол, нюхает миску из-под корма, лакает воду.

Смотрю на него, как на гостей, бездумно прихлебывая чай. После первого же глотка начинает тошнить, но я заталкиваю в себя бутерброд.

Точно помню, что вчера не ел, а до того? Тоже? Идиот. Если ты тут умрешь, кто поможет гостям выжить после их глупостей? Криво ухмыляюсь, допивая чай. Зато и наказаний не будет. Играть строго против системы может быть проще, чем против Миротворца.

Проходит час или два. Бет заснула перед экраном, кто-то набросил ей на плечи плед. Бемби сидит рядом, закидывает в рот орешки из шуршащего пакета, в полутьме блестят ее глаза. Лекс и Винни выбрали спальню, залезли под одеяло, не раздеваясь. Обнимаются так, словно надеются навечно влипнуть друг в друга.

Тру глаза. Я должен лечь, перестать бездумно переключаться с одного этажа на другой, каждый раз замирая перед изображением лежащей на полу Элли. Не могу. Хочется разбудить Эрику на крыше, заставить присоединиться к кузену прямо сейчас, пройти сразу оба бокса против всех моих правил, просто скорее, пожалуйста, скорее.

Сжимаю виски. Спокойно, Эдриан. Если что, чипы предупредят, будет время вытащить ее. Ты следишь за ней, ты не позволишь ей умереть.

А если чипы забажат? Ногти впиваются в кожу, заставляю себя разжать кулаки, положить ладони на колени. Я предусмотрел все, что мог. Теперь остается выпить чашку сладкого чая, налить котенку свежей воды и насыпать корма. Лечь в кровать. Закрывать глаза. И считать овец, прыгающих через забор. Когда они превращаются в гостей, шагающих с кры-

ши, я наконец засыпаю.

В больницу Крейтона мы добираемся уже глубокой ночью. Зато все за день объехали, завтра можно будет разбирать это изобилие, а не рыскать в поисках новой информации. Шон откровенно клюет носом, пока я расспрашиваю милосердно дождавшуюся нас медсестру.

– Прошу прощения, миссис Роуз, мы говорили, что будем раньше. Спасибо, что подождали нас.

Грузная женщина отмахивается неожиданно грациозно:

– Ой, да ничего страшного! Я часто задерживаюсь после смен, вот и замечаю все. И мальчиков ваших видела, обоих.

Она говорит безостановочно, остается только направлять поток.

– Джерри вы видели три года назад? А не помните, к кому он приходил?

Увы, ни имени, ни фамилии врача миссис Роуз не помнит, только номер кабинета, а обитатель его с тех пор дважды смениться успел. С безмянным парнем еще интересней – медсестра утверждает, что видела его десять лет назад, и хоть верь, хоть нет, все равно не проверишь.

– Конечно, я уверена! Он в коме лежал, такой симпатичный подросток, бедняжка. Потом очнулся, его родители забрали. Очень, очень милые люди.

Родители. Милые. У бездомного парня, которого несколько лет назад привел на благотворительную

кухню старик Джон. Информация выглядит деталью другой головоломки, так что я, записав на всякий случай, возвращаюсь к Джерри. Кто знает. Про второго пропавшего миссис Роуз может помнить правильно.

После беседы со словоохотливой миссис спать нам с Шоном остается часов пять, и то на двоих, так что я, забросив напарника в Оквуд, сразу отправляюсь в участок. Подремать можно днем на стуле, если приспичит, зато в такую зверскую рань меня точно никто не отвлечет. Успею просмотреть все, что мне скинули дежурные, и отдать Винс фотографию. Если дела пойдут хорошо, к вечеру мы про Джерри будем знать если не все, то многое.

Конечно, меня будит сообщение о том, что на крыше зафиксировано движение. Тру глаза, на часах – шесть утра. Странно, что я после такого рваного сна вполне бодр.

– Доброе утро, Эрика.

Она встает, отряхиваясь. Присвистывает, оглядевшись.

– Ни хрена себе! Эй, чувак, ты кто и как слезть с этого насеста?

– Можешь звать меня Миротворцем, – улыбаюсь, с планшетом перебираясь к ноутбуку. – А спуститься легко. Тебе нужно просто прыгнуть вниз.

Пауза. Всем нужно время на осмысление, Эрике – рекордно короткое.

– В моем районе отличные высотки, зачем сюда тащить? – несколько истерически хохочет она. – Какая разница, где от

меня останется пятно на асфальте? Или тебе здесь вид больше нравится? – Взлетает на парапет, принимает наигранно красивую позу, обернувшись к дрону: – Ну как, хороший кадр? А так?

Вертится, болтает без умолку. Я жду, собираясь продолжить объяснение, когда Эрика вдруг резко останавливается. Говорит с широкой, болезненной улыбкой:

– Вот и отлично.

Падает спиной с крыши. В самом деле, красивое зрелище, тем более что она выбрала восточную сторону и кривлялась на фоне рассвета.

Дрон ныряет следом, давая мне картинку. Эрика задумчиво лежит на сетке. Выдает:

– А. Вот в чем разница.

Подскакивает, словно игрушка-неваляшка, вертит головой, щурится на толстую проволоку, к которой прикреплена сетка. Инструктирую:

– Подойди к стене дома, заверни за правый угол и открой окно.

– А я так надеялась быстро добраться до первого этажа, – острит она, прыгая по сетке, словно горная коза.

Заранее переключаюсь на камеры внутри. Эмори уже проснулся, умылся и теперь одевается в помятый костюм. Стоит последовать его примеру. Я оказываюсь быстрее – к тому моменту, когда Эрика спрыгивает на пол, я уже в приличной рубашке, даже волосы не напоминают воронье гнездо.

до. А Эмори еще только аккуратно застегивает манжеты. Увеличиваю его лицо, чтобы увидеть, как на миг выражение становится почти умоляющим. Догадываюсь, что это было нечто вроде: «Господи, пусть я еще сплю».

Эрика вместо приветствия фыркает:

– О, и ты здесь. Мир офигенно тесен, пять лет не виделись, и на тебе!

Эмори только чуть пожимает плечами, тихо здоровается. Не удерживаюсь от комментария:

– Верней было бы сказать, что пять лет его не видела ты.

Эрика удивленно смотрит в объектив, переводит взгляд на кузена. Тот спрашивает таким тоном, словно я его предал:

– И зачем?

– Мэри, – тянет Эрика, – это вы о чем вообще?

Он упрямо молчит, не реагируя даже на прозвище. Я усмехаюсь:

– Скажем так, Эмори очень упростил мне сбор твоего досье.

Лицо Эрики на миг становится совершенно обалдевшим, но она быстро берет себя в руки. Изображает балетное па, указывая сразу на камеру и на своего кузена:

– Маньяки окружили меня и сжимают кольцо!

– Я беспокоился о тебе. – Эмори краснеет. – Ты просила оставить тебя в покое, я оставил. Ни разу не напомнил о себе.

Хмыкаю. Судя по той части досье, которую собирал я, у Эрики не получилось не вспоминать о кузене. Во всяком слу-

чае, одна папка, лежащая в ее облачном хранилище, забита информацией о нем.

Эрика взрывается потоком слов, как на крыше:

– Да какому здоровому человеку придет в голову шпионить за кем-то?! Ладно, допустим, я не очень здоровая, но ты? Оплот благоразумия!

– Я им и остался, – немного обиженно вклинивается Мори.

Я фыркаю, Эрика возмущается:

– Это ты мне в сложившихся обстоятельствах говоришь?! Ну давай, давай, скажи еще, что ты переехал в мой штат! – Он виновато молчит, Эрика поднимает брови, уточняет: – В мой округ? В мой город? – Всплескивает руками, кажется, скорее восторженно, чем негодуяюще. – Нет, ну в своем доме я бы тебя заметила!

Она, кажется, оббегала всю комнату, не умолкая ни на секунду.

– Ладно, дальше что? Ты же не ради семейных сцен нас сюда притащил? Мне надоело быть клоуном для двух зрителей!

Даже не пытаюсь ответить, вижу, что ее несет. Вместо этого отхожу закинуть в духовку положенную им на завтрак пиццу. Эрика тем временем оборачивается к кузену:

– Мори, ну хоть слово?

– Что ты хочешь от меня услышать? – Он, видимо, успел отвыкнуть от непрерывной болтовни.

– Какого хрена?

– Ты думала, – холодно перебивает Мори, – я отпущу тебя одну в никуда? Зная, что тебя, в конце концов, придется вытаскивать из проблем?

Смеюсь, потирая виски. Это все забавно, но Миротворца уже утомляет. Эдриана, если он вспомнит, как быстро этой паре надо добраться до седьмого этажа, тоже вот-вот утомит.

– Девочки, брейк. Вы собираетесь выбираться отсюда или нет?

– А есть варианты? – поворачивается к камере Эрика.

– Лестница вниз.

– Более подробные инструкции? – спокойно уточняет Мори.

– Думаешь, он тебе все на блюдечке с голубой каемочкой выдаст? – фыркает Рика, роясь в книжном шкафу.

Похоже, пока я не расскажу им правила, они с места не сдвинутся.

– Вы на десятом этаже. Вниз ведет лестница, каждый пролет отделен дверью. Ключ к дверям – небольшие татуировки, которые можно получить...

– Хоть блокнот дай, изверг! – взывает Рика. – Или я на книжных полях статью должна писать?

– Он, – мягко напоминает Мори, – вообще-то маньяк.

– Вот именно, такой материал!

– Чтобы опубликовать этот материал, тебе нужно пройти девять тестов. Вы пока даже первый не начали.

Это срabатывает, Рика срывается к дверям, Мори идет следом, останавливается перед боксом. Его кузина уже опытным путем разобралась, как правильно вкладывать предплечье в нишу. Скобы становятся для нее неприятной неожиданностью.

– Эй, мне руку не отпилит? – опасно смеется она, с подозрением наблюдая за спускающейся иглой. Кривится, когда на коже появляется ее имя. – И как мне потом сводить эту татуировку, если я не хочу представляться всем встречным?

Хмыкаю, не включая микрофон. Эмори тоже молчит, смотрит на запястье кузины, повторяет ее действия. Нанесение рисунка – не самое приятное ощущение, но он даже не моргает, не то что не морщится. Высокий болевой порог. Я учитывал это в тестах.

Читаю им инструкцию. Эрика изгибает бровь в потрясающей гримасе, спрашивает с наигранной заинтересованностью:

– Ты больной садист, да? Или тебя маленьким много бил? Птичек, рыбок, зверьков в детстве не мучил, нет?

Вздыхаю. Смотрю на Эмори, но тот не реагирует ни на инструкцию, ни на то, как выделывается его кузина. Не надоели ли мне изображать ангельское терпение? Указатель мышцы тянется к настройке бокса, поднимает на мгновение напряжение пола. Эрика давится окончанием фразы, тут же снова растягивает губы в улыбке:

– Ой, какие мы нервные!

Это напоминает слова Элли, раздражение надвигается ледником. Ей я ничего не сделаю, но остальным все-таки придется померить пыл.

Пара секунд благословенной тишины, пока их мелко трясет током. Боль уже не похожа на легкий укол, как в первый раз, но и перетерпеть ее несложно. Она бьет скорее по чувству безопасности, заставляет понять – со мной лучше не спорить. Мори стискивает зубы, Рика – кулаки. Щурится в объектив скорее с удивлением, чем с ненавистью.

– Ну ты и...

Мори наконец хватает ее за запястье, сталкиваются взгляды.

– Не надо, Рика.

Тут же отступает, словно обжегшись. До Эрики, кажется, только сейчас доходит, что электрошоковую терапию получили оба.

– Какого хрена, псих?! Это я тебя достаю, братец у меня – воплощение спокойствия!

– Здесь все на двоих, – улыбаюсь. – А теперь, когда вы испытали пределы моего терпения, может быть, займетесь делом?

Конечно, она хочет сказать что-то еще, но Эмори успевает раньше:

– Да. Сейчас займемся.

– Мори, не порть мне интервью, – тянет Рика, но идет следом.

Легко хватается за рукоять, тянется к кузену, а тот медлит, словно подвисшая программа, прежде чем коснуться ее пальцев. Крепкое, спаянное током рукопожатие – всего на миг, Эмори отступает раньше, чем прозвучат последние такты победного марша. Как будто просто торопится открыть дверь и неуловимо меняется в лице, когда игла выводит на его коже имя «Эрика Уотс». Раньше единственной вольностью в его строгом образе была запятая собранных в короткий хвост волос. Для прокурора татуировка станет куда большей проблемой в повседневной жизни, чем для журналистки. Уберет ли он ее?

Нет. Ты никогда не сотрешь эту метку, Мори. Будешь краснеть, никому не сможешь ничего объяснить, но ты не сведешь это имя.

Упаковываю пиццу в коробку, планшет рядом, как всегда. Слышу, как Мори тихо говорит в спину кузины:

– Я понимаю, почему ты сбежала. Даже мне было тяжело справиться с ожиданиями своих родителей, а твои требовали еще большего.

Рика сбивается с шага, оборачивается, раскидывая руки по перилам: одна – вверх, другая – вниз. Мори стоит на две ступеньки ниже, чуть подняв голову. Такое спокойное лицо, такое точно рассчитанное расстояние – чтобы не коснуться. Рика, фыркнув, горько признается:

– Я бежала не от них. От тебя. Как оказалось, неудачно.

– Почему? Что я сделал не так? – Он искренне не пони-

мает.

– Все, – усмехается она. – Для начала родился моим братом.

Мори кивает, соглашаясь с этим абсурдным обвинением, я удивлен. Ты ведь не смеешься, в отличие от кузины, которая спрятала правду за шуткой. Стремление к абсолютному контролю, Мори? Ожидаемая проблема для такого, как ты.

Вы с Рикой – сплошные контрасты, что по характеру, что по внешности. Высокий, худощавый прокурор в застегнутой на все пуговицы рубашке, при галстукe, всегда внешне идеальный. Рика на голову ниже. Растянутая домашняя футболка, заштопанная на боку, скрадывает фигуру, черные волосы ни в хвост не завязать, ни за уши не заправить. Сложно поверить, что вы родственники. Но такой гремучий коктейль из взаимопонимания и раздражения бывает только у членов одной семьи.

Оповещение в углу экрана: «Личное обращение от гостя Элджернон Литтл». Открываю трансляцию: Элли спит, положив голову на сложенные ладони, Эл сидит рядом, прижимает поврежденную руку к груди.

– У меня два вопроса, – тихо говорит, глядя в камеру. – Первый: представлял ли ты, что нам не только пить и есть, но и в туалет захочется? Второй: мы ж тут сохнем, Дождь. Наверху пусто, снизу ты никого не пропустишь. Тупик получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.